

**ZWANGSARBEIT
1939 - 1945
ERINNERUNGEN UND GESCHICHTE**

EIN DIGITALES ARCHIV FÜR BILDUNG UND WISSENSCHAFT

Eine Kooperation der Stiftung „Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“ mit der Freien Universität Berlin und dem Deutschen Historischen Museum

**TRANSKRIPT
zum Interview mit Adamez,
Konstantin Wojtowitsch**

(geb. 1925-09-15 in Stasi, Oblast Poltawa, Ukraine)

Russisch, Audio 4h 25min

Interviewt von Alexander Dolgowskij am 10.09.2005

Aus der Teilsammlung „Belarus – RWTH Aachen“
Archiv-ID ZA001

weitere Bearbeitung

Transkription	Veronika Sabolodskaja
Lektorat	Jan Menning
Segmentierung	Yevgen Oks
Übersetzung	Jan Menning
Erschließung	Jan Menning

Stand vom 15.04.2015

Graphische Kennzeichnungen

Zeichen	Bedeutung
[...]	ersetzt Angaben über die aktuelle Wohnanschrift des/der Interviewten bzw. Telefonnummer
...	abgebrochenes Wort oder abgebrochener Satz, meist mit einer kurzen Sprechpause verbunden
[---]	langes Schweigen der Interviewpartnerin / des Interviewpartners (ohne Unterbrechung durch den Interviewer / die Interviewerin)
(???)	unverständliche Aussage
(Wort ?)	unsichere Transkription eines Wortes
[x]	Unterbrechung der Aufnahme (z.B. auf Wunsch der Interviewpartner/-innen, technische Pausen, aufgrund von Störungen von außen)
<i>Kursiv</i>	Aussagen im Interview auf Deutsch oder in einer Sprachvariante, welche die Interviewpartner/-innen für Deutsch hielten; Aussagen in weiteren Sprachen, die nicht (Haupt-)Sprache des Interviews sind (betrifft nicht zweisprachige Interviews), allerdings ohne Benennung der Originalsprache
„xyz“	Zitate, wörtliche Rede, Buch- und sonstige Titel werden in Anführungszeichen gemäß den in den Originalsprachen geltenden Regeln gesetzt
{Text} oder {(Text)}	Anmerkungen der Transkribierenden, Lektoren, Übersetzer/-innen; Ergänzungen, wie Aliasname oder Aufschlüsselung eines Akronym; Bezeichnung nonverbalen Verhaltens
<***>	Band-Ende

АД: Итак, сегодня 10-ое сентября 2005-го года, и мы находимся в гостях у Константина Войтовича Адамца, который проживает по [...], город Минск, Республика Беларусь. Ведёт интервью Александр Долговский. И, я бы попросил Вас, Константин Войтович, расскажите, пожалуйста, историю Вашей жизни, Ваши воспоминания из детства, школа, война, послевоенные годы, и для начала представьтесь, откуда Вы родом и когда Вы родились.

КА: Я, Адамец Константин Войтович, родился в селе Стаси Диканьского района Полтавской области. Ну, если говорить, то в се... ээ, в семье крестьянина. Значит, мои родители: Отец – Адамец Войтык, Войтек Карлович, он чех по национальности; мать – Адамец Марфа Ивановна, украинка из Харьковской области рождения. Так, мои, ээ, да, мои, моя семья: старший брат – Адамец Юрий [---] Войтович 1915-го года рождения, [---] ээ, за ним брат – Вячеслав Войтович 1918-го года, третий брат – Владимир Войтович 1920-го года, и сестра – Мария Войтовна 1923-го года. [---] Как я сказал, что я, а где я родился, значит.

Окончил я семь классов средней школы в Стасях, и после окончания в 40-ом году был направлен в ФЗО [фабрично-заводское обучение] в город Держинск Донецкой области, в то время Сталинская область была, называлась. Там я, значит, окончил з... ээ, скол... тот... трёхмесяч... то есть, шестимесячные курсы ФЗО и работал в шахте, в рудной шахте, каменно-угольной шахте крепильщиком, ш... ээ, это самое, крепление штреков. [---] В начале войны, значит, в июне, в июл... да, в июн-июль 1941-го года я был там, на шахте. Когда началась война, значит, мы уехали домой. Я оказался дома. Значит, мой брат старший был призван сразу на третий день на фронт, Юрий. Средний брат в то время служил в армии, да, на, на, на Кавказе. Брат Владимир в Диканьку в военкомат вызывался раз за восемь, когда уже война шла. Его всё время собирались призвать, так и не призвали. Почему? Потому что отец в 1941-ом году, как началась война, был арестован. И отправи... ээ, значит, неизвестно, сначала мы не знали, куда он

девался, всё, значит, да. Я, после, значит, когда уже был ... Мы тут поехали окопы копать под Киев, но уже немцы наседали. И нам с дивизии кавалерийской, 11 человек, в том числе раненый командир дивизии, сказали что: „Давайте ужин готовить, и“, говорит, „кормите своих лошадей, и имейте в виду, вот эта речушка, мы её взорвём ночью и всё, вы останетесь здесь, если не успеете перебраться.“ Ну, мы успели перебраться, поехали, да. Приехали домой. С нами был председатель колхоза, да. Приехали домой. Значит, это был август-месяц 41-го года. Се... да, и в этот же месяц, в конце месяца немцы пришли в Стаси. Там, Диканька, это Диканьские леса дубовые в основном, они очень большой лес, там хорошая позиция в смысле военных действий. Они входили, стекали к Ворскле, с Ворсклы-река, это приток Днепра. Значит, там расположение было хорошее. И там ш... делались бой... бой... это, бои, примерно, более двух недель. [---] Я в это время был с матерью в Михайловке, где были красные, где красные войска. Немцы были в Стасях. Вот это как раз наверху, там к себе внизу, Михайловка внизу находится, возле Ворскла. Ээ, значит, там располагались части. Мы туда попали за то, что у нас корова убежала туда, корова. [смеётся] Мы должны были её вернуть домой, из-за того, что жизнь-то, надо же жить. И, значит, командир части, увидели мы как раз с мамой, когда подходили, и нас увидели красноармейцы и привезли в часть. В части нас спросили, кто, как, сколько немцев и так далее и тому подобное. И, значит, мы рассказали, что, какие войска там, кто, да. Всё это рассказали и мы остались, значит, там. Через время прибежала эта наша корова, [смеётся] учитывая, что мы её купили как раз перед вой... перед оккупацией, купили у частника. И она туда как раз прибежала. [---] Да, после этого, ээ, наша соседка, можно считать, дальняя родственница, где мы были с мамой, ан... ан... значит, там нас несколько раз вызывали в часть, и говорят, что: „Вы уже 16 там, шестна... около 16 лет – можно призываться.“ Ну, хорошо, призывать, значит, призывать. И как-то, значит, через пару дней мы проснулись, оказывается, красных уже нет. Да, мы с мамой пришли домой. [---] Пришл... да, пришли домой, значит, и у нас в

Стасях, оказалось, что никого нет с тех. Значит, была такая помещица, у которой, значит, сыновья были в Питере, а она жила одна и уехала куда-то за границу, и там никого не осталось. Видимо, она, её живой не осталось, и у нас, значит, претензий никаких не было. Поэтому, немцы сделали там колхоз. И вот, значит, тот же самый колхоз. Им легче было взять хлеб, то, что выращивали, быстрее, потому что никаких таких препятствий не было. Мы занимались лошадёй пастством. Пасли лошадей колхозных. Да, дальше как? Да, и вот однажды, это было уже в ноябре-месяце, ээ, приехал офицер немецкий. Да, кстати, перед этим очень здорово Полтаву бомбили, с Харькова. Самолёты советские ле... летали и бомбили Полтаву. Но ... И мы наблюдали, как бои шли воздушные. Как полили наши самолёты, то есть советские, да. Ну, и сами искали там оружие, были у нас и винтовки, да. А потом увидели, что приехал немецкий офицер, зашёл в контору колхоза и оставил там же на повозке пистолет. Мы его утащили, пистолет. Да, и, значит, когда он вышел, пистолета нет. Он, значит, шум. Ну, полицейские там наши, собственно нам ... Мы знали их, известны полицейские. Такой был, Антон Гавриш, командовал полицией у нас в селе. Ээ, вот, нас, на нас показали, что кроме нас никто не мог это сделать. Значит, нас четыре человека, я, потом Слынько Фёдор Макарович, Продайко Иван Петрович и, ээм, да, и Бричка Иван Нестерович, собственно это были наши учащиеся, мы вместе учились в школе, да. Нас взяли в район. После допросов, соответственно, мы ничего не признали. Хотя, Прода... это, Продайко Иван спрятал пистолет. После этого мы его так и не видели, ничего, пистолета и ничего. Но, нас, тем не менее, в Полтаву направили, значит, в Полтаву с полицией, с неме... с немцами. И в вагоны, погрузили в вагоны, товарные вагоны. И отправили через Киев, Киев, Киев, Львов, [---] теперь Белосток, по-моему, Белосток и в Германию. Ну, в Германии, значит, в Германии нас, можно сказать, в вагонах, ээ, с этой, с проволокой колючей, значит, были двери и окна заделаны. Тем не менее, немецкие малыши бросали в нас камни, да. Нас привезли, я, знаете, точно города не помню, но это уже в районе,

значит, ээ, границы с Люксембургом, государства Люксембург. И там, значит, по (строю ?) выстроили, и, значит, отобрали хозяева, показывали пальцем кого они берут себе работать в сельское хозяйство. Остальных – на шахту в Дойч-От, город Дойч-От.¹ Это Эльзас и Лотарингия. Железородная шахта. Назывался лагерь Ост.² Там были из Орла, теперь Орловской области, Курской, Белогородской, Харьковской, Полтавской, Киевской – вот эти в основном области были, которые там находились. Все – молодёжь, только молодые все, да. Значит, нас в шахту ... В шахте мы работали грузчиками. Ээ, нас, значит ... Местный взрывник взрывал эту руду, а мы вагонетками это возили. Никакой санитарии, ээ, значит, питание исключительно плохое, исключительно, да, брюква, отходы картофельные, значит, всё это, всё это как раз у нас было. И к тому же в очереди к обедам там к питанию был такой Лёва, с палкой. Он всё время сосал табак за, за щекой. Значит, он, он, как только ни, ни в очереди, так сразу по спине палкой или по голове палкой, всё равно, да. Нам, правда, местные жиз... жизн... местное население, ээ, вообще, старались помочь нам. Через колючую проволоку перебрасывали хлеб, другой раз там кое-какие продукты. Ну, в общем, кто только смог там найти, значит, мог взять, да. Мы видим, что дело плохо, что питание незавидное. Всё это понятно, что не то на шахте, это же не завидное дело. Правда, у божожк... у взрывника было семеро детей. Он приносил нам каждый день по бутерброду. Всем четырём, у нас четверо работал, по, по-русски все, давал. Очень хороший человек, очень, да. И он же нам чертил, как идёт война. Сталинград, вот, Сталинград, он в общем всё рассказывал. [вздых] Так. Да, очень добрый. Я просто не мог вот ... Если были мы св... Ну, наверное, его уже нет в живых. Он старше был конечно нас. [---] Нам это дело всё уже надоело, думаем, что дело плохо. Надо что-то делать. Что? Надо бежать. И вот, однажды, нас вели в шахту охрана, и что-то не помню, они где-то за угол, да, за угол в этом городишке. Мы, это, зашли, видим – охраны нет. Мы – раз, и убежали. Вчетвером, вот эти все

1 Hauptsitz Berlin Filiale für die Eisenerzgewinnung in Elsass-Lothringen unter Leitung von Hermann Raabe mit Sitz in Metz, Prinz Friedrich Karlplatz 8/ place du roi George 8

2 Für die Unterbringung der Ostarbeiter errichtetes Barackenlager in Deutsch-Oth vgl. http://www.shw-woippy.net/pdf/cg15_minesfer.pdf, S. 6 f.

наши все свои, с одной деревни. Убежали и в лесу находились, ну, примерно, недели, две жили в лесу, спали в лесу. Прямо подстилали, это, хвой... хвою и спали, значит, да. Вот, мне интересно, что сколько было, писали там: „партизанщины“ и так далее – я не видел никого. Нас кормили, ээ, местное население. В деревне, в котором ... Мы возле деревни были. Они с... сказали, что так: „Вот этот сарай, вот сюда приходите, тут всегда будет питание вам. Ну, вас в село мы не можем взять, потому что гестапо нас потом арестует.“ [вздых] Так мы пробыли вот это время. У нас был такой ручей. Покушаем к... это может ч... да, умыться сначала, хоть что-то, да. Ну, естественно, как-то раз, да, всё, всё шло нормально – мы встретили немца-лесничего. Кто он, я точно не знаю по национальности; ну, в общем, лесничий. Он ... И видели, что у него фашистский значок. [---] Мы обратили на это внимание, он понял, он заметил и говорит: „Да пустяки, это надо же так, надо“, говорит, значит, да. Дал нам хлеба, сала, ой да, вот всё. И мы, так сказать, поверили ему всё.

На следующий день мы пришли помыться к этому руч... реч... ручью, который был, и нас гестапо арестовало: четыре человека с пистолетами, и всё. Да, арестовали и ... [---] Правда, через деревню провели, и там у них видимо был какой-то пункт, что они нас туда определили на этот пункт. Потом, значит, по, это, на станцию отвезли и отправили в Людвигсхафен, город Людвигсхафен, ээ, где ви... видимо центральный гестапо было там. Значит, они нас продержали сколько? По-моему три дня. Три дня продержали и, значит, избили пару раз. Притом, поручали бить друг друга. [---] Да, это мы сами плётками. А когда видят, что плохо бьёт, тогда берут и его бьют, того, кто плохо бьёт. После этого нас отправили, мы и не знали, мы считали, что это лагерь Ост. [---] Только позже, уже сейчас вот я узнал, что это не лагерь Ост, [копается в бумагах] а это, а это концлагерь. [ищет в своих записях] Где же? [---] Так, сейчас я, извините. Так, это было ... [---] А вот! Нас привезли в город [говорит четко, по слогам] Людвигсдорф.³ И там был, оказывается, пот... уже потом мы узнали что Гросс [---] Розен ... Это

3 Außenlager des KZ Groß-Rosen

же Гросс-Розен, извиняюсь. Гросс-Розен, да, это был концлагерь. Ну мы там поработали примерно две, около двух недель, по погрузке там, этого самого, песка, потом другие такие виды в, в эти самые, на платформы грузили. И узнали, мы фамилии же не, не скрывали, узнали в нашем лагере Дойч-От, что мы находимся там, и это руководство лагеря обратилось к гестапо, туда, что не хватает рабочих на шахте: „Верх... верните их обратно.“ Нас вернули опять туда же, в лагерь Дойч-От. Ну, как обычно выстроили весь, значит, состав лагеря, и нас при всём, так сказать, народе, получили по 25 розг. И в этот самый, ээ, в карцер на 3 дня, [---] кусок хлеба и вода. [---] После этого опять на шахту, туда же работать. Мы проработали ещё месяц, это был, это был, значит, июнь ... Сейчас. [копается в бумагах] [---] Да, это был июнь-месяц, в июне. Проработали мы примерно месяц и опять убежали. На сей раз мы пробрались через проволочное ограждение, и ушли вдвоём с Слынько Фёдором Макаревичем, да. Но, нас Лёва, оказывается, подкараулил, а, оказалось, что видимо он и предусматривал это, и был, был не вооружён. Мы когда видели, что он не вооружён, мы нач... начали на него бросать камни. Ну, не знаю, на сколько, наверное ... Вообще попадали, конечно, так. И он, значит, да, вроде свалился уже, и мы убежали в лес. На сей раз, да, туда, опять. Ну, так как мы были все красные, от руды не отмывались, все, руда же красная, красные мы все были. Один раз в месяц баня. А каждый день работа – это же понятно что. Нас ... Опять мы ... Местные – значит, там в Эльзас-Лотарингии деревушка была, мы туда, лесная более-менее, мы туда пробрались. Они нас где-то с неделю кормили, одели, робы наши сняли, и значит, одели в костюмы. А так как мы молодые, то быстро отошли. И значит, пошли, говорим: „Домой надо идти.“ [смеётся] Ну, какой там домой, куда же поедешь. Пошли мы в Люксембург. Перешли границу. Там не граница – там собственно была такая: Шел жандарм, проходил один раз в сутки может по этой границе между Эльзас-Лотарингией и, и люксембургской границей. Вот пришли в Люксембург, а там наши фотокарточки висят. Ну, мы в этих робах, красные мы все, нас не узнать. Решили пойти пешком, за

Люксембург вышли. Покормил нас один *бауэр*, потом второй, а третий покормил и продал. Нас, ээ, значит, схватили гестаповцы, да, схватили, да. Я даже ножик в кармане так, в брюках, так держал, в руку ножик держал. Просто они: „*Хэнде хох!*“ Я поднял, они увидели нож, конечно ударили, да. Отобрали нож. И, значит, нас в Люксембург, и говорят: „В тюрьму.“⁴ Люксембургская тюрьма. Говорят: „Вы парашютисты. Где ваши паш... парашюты и так далее?“ Мы говорим: „Да вы с ума сошли, никакие мы не парашютисты.“ А кто? Мы договорились заранее с Фёдором, что когда нас, ээ, что нас поймают, то мы будем говорить, что мы ехали, нас везли, мы, значит, вышли по своим надобностям, и отстали от поезда. Поезд ушёл, и мы вот бродим. „Ну а кто?“ Значит, естественно, кто: Я – Адамец. Мой друг был школьный – Поручик Иван, я говорю: „Поручик Иван.“ А Фёдор – Дудник Фёдор, тоже друг его школьный. И, вот, таким образом, мы там в тюрьме говорили, что вот так-так, что отстали и всё. Вызывали и, значит, всё время. Через день вызывали на допросы. Мы были в одиночных камерах, да. Даже на молебен не ходили. Тогда этот, который открывал карцер, говорит, интернационал-коммунист был. И уходили, значит, мы не ходили туда. Один прогул... ээ, на прогулку полчаса в сутки – всё там же в лагере, в аду, в тюрьме. Заборы большие, мы посмотрели – это перебираться, уйти, удирать отсюда трудно. И вот, таким образом, ээ, кормёжка была тоже плохая. Естественно, что нас, мало того, нас еще, ээ, то, что допрос, избиение было. Короче, мы в общей сложности за время пяти месяцев нахождения в тюрьме, мы получили не меньше 120-150 розг. [---] Когда нас ... Всё-таки не добились с нас ничего немцы, и в ноябре по-моему, сейчас, я туш ... Фёдор писал, я, чтобы не, не допустить ошибки. Вот он пишет Поручик Иван, а он – Фёдор Дудник, вот. Так. [копается в бумагах] [---] Ага, значит, с июля по ноябрь 43-го года мы находились в тюрьме: июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, да, да, по ноябрь мы находились в тюрьме. В ноябре нас привезли в город Эш на металлургический завод. На заводе этом, в, в, в самом, загорожен он большим

4 zentrales Gefängnis in Luxemburg

высоким забором, и внутри был лагерь Ост, тоже. Это были все, увезенные из Краснодона, ээ, значит, Краснодон, это в то время по-моему была Ворошиловоградская область. Ну, при... там были сестра, брат и так далее. Ну, когда нас привезли, то мы ещё две недели не работали, потому что мы были доходяги самые настоящие, это. Истощённые, да, да избитые. До нас немножко, потому что там уже на кухне работали девушки, которые были с Краснодона, вот. И там кормёжка была уже не с... немножко лучше, на заводе. И они там старались, видишь, какие-то ... Старались помочь, что-то там больше кушать немного дать, ээ, ну, добавки там, что-то, да, так вот. Такое не было жирное, но всё-таки. И когда мы отошли, нас ... Значит, вместе с ребятами грузили в вагоны металлические болванки с завода, на платформы. А потом перевели нас зимой, ээ, выбивать камни в конверторах, в которых, это, значит, выжигали сталь, сталь, рас... да. Были мы там до, если я не ошибаюсь, до мая 43-го года. Потом нас решили перевести в Людвигсхоф, по-моему, в такой городишко небольшой, в Люксембурге, в том же государстве. А почему? Потому что там они, значит, выпускали листы стали. Видимо это для, для самолётов, похоже, да. Вот, их было нужно, а там не было кому делать. Видимо они так рассчитали. Там был лагерь, небольшой. Это примерно 200 человек, около 200. Мы проработали там, значит, до августа 44-го года.

В августе 44-го уже намечалось, значит, американцы поз... подходили туда, амераз... американские войска, да. И нас три дня держали в лагере, с собаками, охрана была усилена. И, значит, мы уже поняли, что нас могут взорвать, к чёрту. Всерьёз, это там в лагере такие бараки были, конечно мы стоимость небольшую имели, так что ко... для них это ничего, не имело значения. Ну, после трёх дней мы встали, вдруг – никого нет. Удивительно – никого нет. Мы, значит, туда в город, в городишко-город. Значит, да, и ... Правда, местное население очень хорошее, очень доброе. Они даже лав... это, магазины не закрывали, и, конечно, они считали, что мы грабить будем, но, учитывая, что они открыты и, и всё (???). Ну, они нас кормили, что угодно. В общем, уже было всё

открыто. И вдруг через два дня, по-моему, как мы уже там были, нас собственно взяли в, это, правление там местное. Вот он небольшой, городишко. И, значит, ээ, в правлении ... Да, и вдруг появляются два „Тигра“ – танки немецкие. [смеётся] И м... Бог её знает, что ... И начали пулять с пушек по, это, по домам, по домам. И подходить на площ... площади, где мы как раз находились в правлении. То естественно, мы: „Давай бежать.“ Куда? Бежать, конечно, в лес. Лес был не так уж далеко. Мы, я помню, за угол мы только забежали, и тут, ээ, с пулемётов эти, значит, танкисты видимо, немцы с пулемётов, они начали строчить. Одна женщина упала, или ранило или что. Ну, нам некогда было. Мы: „Быстрее давай в лес“, да. Просидели там, ээ, ночь. На утро слышим бах-бах – пушки стреляют. Ну, что такое: Вроде немцев там уже не было, кроме вот этих двух танков, но танки, видимо, ушли там. Да. Оказывается, да, через ... Где-то к концу дня появляются американцы. Простреляли они так, там собственно никого стрелять не было. В общем, появляются американские войска. Ну, естественно, их форма обычно была и каски с сетками на касках тогда. Это мы узнали – да, это американцы, да. И нас, нас, значит, определили в лагерь, но уже в Люксембурге. В Люксембурге в лагере нас кормили не особенно, хотя американцы видимо могли бы и лучше кормить. Ну, была агитация куда-нибудь поехать, в любую страну, допустим, или в Бразилию, или в Мексику, или в Уругвай, или в другие страны, которые были там в Южной Америке, в основном в Южной Америке. Такое было, такое было установка, видишь, то значит, туда видимо вербовать. Мы говорим: „Давайте, мы хотим воевать с вами против немцев.“ Пошли в правление, значит, американцев. Они спросили: „Сколько вам лет?“ Ну, сколько лет: 42-ый год: 18 где-то. „Не, мы не возьмём, всё. Значит, отправлять будем.“ – „Решайте вопрос, чтобы отправить домой.“ – „Да, этот вопрос будет решаться.“ И приезжали с Франции, с ... Потому что в Люксембурге никакого посольства не было естественно, приезжали с посольства России, СССР, значит, из Парижа, два офицера, капитан и старший лейтенант. Фамилий не помню, они не говорили. Они нам читали

десять основных ударов, в которых разбиты были немцы. Под, от Сталинграда, потом, значит, под, Курская дуга там и ... Ээ, это всё было, да, было так, что я мог разбуд... разбудить меня, и я мог рассказать все эти десять. [смеётся] Да. Ну, мы ... Что-то надо делать. Пошли, значит, к *бауэрам*, там подрабатывали у несколько *бауеров*.

Потом прошёл слух в лагере, что, значит, четыре танковых бригады немцы с русского фронта перебрасывают на американские здесь вот, на западный, значит, что американцы отступают. Ээ, так ли это было, или это просто специально было сделано, чтобы нас увезти, и нас увезли в город Бордо на атлантическом побережье Франции. Увезли туда, и тоже кормёжка очень плохая. Вначале они видимо агитировали всё, чтобы уезжали куда-нибудь в любую страну. Мы, правда, надо сказать, что говорили, что: „Мы домой хотим, домой.“ А тут ещё слух прошёл, что четыре, что ли, ээ, это, корабля с нашими были отправлены, а немцы их потопили. Мы решили вернуться опять в Люксембург. Вернуться как? Охрана, правда, была – негры стояли там, охраняли. Ну, негры, так мы им там сигарет купили, что ли, не помню, угостили. Они хотели там что-то с... ну, так, что мы отобрали в, в двоих их, их пушки. Мы говорим: „Вы молчите. Тихо, мы вам еще привезём что.“ И они, значит, нас отпустили. Отпустили, мы на поезд дикарём в Париж, да. Посетили парижское метро. Тогда мы ещё не видели ничего. Метро посетить, да. И нас увидели русские эмигранты, видимо эмигранты-то были первые, то есть, революционные, которые в революцию там оказались. Они нас агитировали, значит, ээ, остаться в Париже там и так далее. Но мы решили: „Нет, надо, надо всё-таки ...“ Мы что? А пойдём, где эти офицеры были на, ээ, с... в посольство. „Мы в посольство хотим.“ В посольство зашли. Они ... Оказалось, да, там эти офицеры, и они, значит, говорят ... Мы говорим: „Вот тут агитируют нас остаться.“ Они говорят: „Ни в коем случае“, говорит, „вы знаете, тут всякое бывает. Могут“, говорит, „вас запелтять, а потом“, говорит, „вы не (выдерли ?) ни, никуда. А то мало того, ещё уничтожат.“ – „Ну, тогда мы“, говорим, „поехали

опять в Люксембург“, я говорю, „или вы отправляйте домой.“ Мы, значит, это опять наша четвёрка, вся четвёрка, значит, опять возвращаемся в Люксембург. В Люксембурге что делать, лагеря нет, как жить? Мы, значит, идём [---] к американцам. Там американцев много было. Идём к американцам и говорим, значит: „Там, что-то надо, да, и кормиться как-то, да.“ Они, вот, это было в апреле 45-го года, или нет, в марте, в марте 45-го года. 45-го года в марте мы приехали, да. Ну, что, погрузка там – разгрузка в, в, в, это самое, столовой американской и вот: „Там, пожалуйста, будете кормиться, так к ним.“ Мы посмотрели, это, и моим ... А там как раз, ээ, у столовой и склад рядом американский, и там форма вся американская. Мы, значит, взяли эту форму от, от ... Да, взяли форму и зная, что американцы едут в основном в Париж, Люксембург, ээ, значит, Брюссель, вот это их такие маршруты, в основном негры в этих там их, ээ, машинах. У них машины большие эти, только крупные машины. А мы знали, что у них обязательно продукты в каждой из машин. Мы видели, как они загружались, да, в Люксембурге. И вот знаем, что там всё есть, да. Мы, значит, переодевались вечером в американскую форму и первая же машина останавливали. И знали такое английское слово „Югою“ – „Куда едешь?“ [смеётся] И, значит, садились. Негры очень уставали, конечно рейсы большие, и они на (???) так, начинают дремать. Значит, садимся, приедем до первого, это, пункта, до первого жилого, значит, посёлка. В кювет выбрасываем ящики с продуктами и стучим, что мы уже приехали, всё. Выходим. Идут встречные машины на Люксембург. Мы как своё уже, в форме же вгрузим эти, значит, ящики, и привозим в Люксембург. А поместились мы в одном кафе, пивное кафе, хозяйка была женщина. Мы ... На флигеле у её она нас разместила. Мы взяли одну нашу девчонку, нашли, с наших, которая была там в Люксембурге. Она нам готовила кое-что кушать, да, а рассчитывались с хозяйкой продуктами, чем мы что-то провозили. А там были наборы, что, и резино, и, это самое, жевательная резинка и сигареты – что только ... Всё было: Консервы всевозможные и всё, да. И вот так мы где-то март, по-моему, месяц

прожили. И нас засекали. Засекали, и посадили нас в ту же тюрьму, где мы сидели при немцах. [смеётся] Опять, опять то же, да! А мы, значит, да, правда ... <>

КА: Да.

АД: Сейчас, одну секундочку.

КА: Да.

АД: Мы закончили на том, что Вы сказали, что Вас американцы узнали, что Вы брали продукты.

КА: Да. Да, да, да. Да. Ну вот, и американцы, значит, нас посадили в тюрьму, где мы сидели при немцах. Мы, конечно, сразу же устроили буш... бучу и сказали, что у нас один остался, четвёртый, и он поехал в Париж в посольство. Они нас на второй день выпустили. [смеётся] Американцы выпустили. Ну, что характерно, формы не забрали, не забрали. Мы так и приехали в форме, мы даже в форме встречали в Люксембурге, после победы встречали люксембургскую королеву, которая прибыла из Лондона. Встречали, ну так, хорошо, нас там, тогда, по-моему, и деньги дали, да. Мы объелись этими самыми, мороженым. [смеётся] После всё горло болело, невозможно ... Да. Сразу нахва... нахватили это, покинулись на это. Ну и нас, мы всё-таки пришли к американцам и говорим: „Знаете что – никуда мы не поедem, отправляйте домой. Если не отправите – мы начнём воровством заниматься.“ Прямо им сказали. Американцы через два дня отвезли нас на аэропорт и отправили в зону.

Это в июле-месяце 45-го года отправили в зону, в советскую зону оккупации в Германии в город Торгау на Эльбе. Это был пересылочный пункт для всех почти этих самых нас би... ээ, этих, значит, бывших узников, да. В Торгау нас начали трясти. А, кстати, я отвлекусь немножко на таком эпизоде: В Люксембург, когда мы были, вот это уже сейчас перед, перед полётом, три человека из

нашего лагеря вернулись с советской зоны оккупации Германии. И сказали: „Если хотите рубить на Магадане лес – возвращайтесь. Вот“, говорит, „вот я вам, что можем сказать.“ Ну, объяснили, что там делается. Мы, конечно, не поверили, что. „Мы же, мы же сидели, мы же вредили. Вот тут пишет мой друг мне показание.“ И он, значит, пишет, что мы вредили и другим и товара нет распускали, ээ, пробку делали в *штрейках*. Вот, ну, и, значит, так мы же там, мы, мы! А когда приехали, нас, как взяли в оборот, у меня был фотоаппарат – фотоаппарат забрали; часы [смеётся] швейцарские забрали, да. И погнали нас вроде на призыв. Ну, это был... это была такая пушка, может быть там что-то с призывом связано в армии. Ну, ээ, прогнали нас километров 50 наверное, что все покидали свои ... У кого был там костюм, там что такое, ээ, в этих сумках. Они были уже проверены, но кинули. Потому что – жарко, погода такая жаркая – покидали, да. И, вот, мы попали в бат... этот, батальон 166-го стрелкового полка, ээ, батальон выздоравливающих. Потому что у меня была экзема, и у ребят тоже экзему. Мы где-то в бане, ещё в Люксембурге где-то схватили экзему. И нас в выздоравливающий батальон. Правда, эти, ээ, был Продайко, Бричка и, да, и Слынько. Нет, Слынько ... Извините, Слынька не было. Продайко, Бричка, мы втроём, Бричка, я. Они раньше выздоровели и их отправили. А я остался один, еще в батальоне, в этом. Потом я уже не знал, куда ребята эти делись, спрашивал там: Ничего не говорят. „Военная тайна“, говорят, [смеётся] чтобы ... Ну, военная тайна, так тайна, куда деваться? Я на, на ... Меня после выздоровления отправили, ээ, в этот, под Штеттином, город Штеттин. [---] Да, отправили в 70-е кавдепо, кавалерийское депо, да. Там, значит, командир этого депо был Машталер, а, ээ, начальник штаба – Семёнов, питерский. А Машталер - с Кавказа, казак донской. Оставили. Ну, вот, посмотрели меня, этот Семёнов: „А-ну, давай попиши.“ Я пописал, и он говорит: „Слушай.“ Машталер говорит: „Слушай, ты посмотри, как он пишет. Это ж“, говорит, „не надо никакой машинки, ничего. Любой приказ, любой“, говорит, „он напишет. Он ...“ И оставили меня писарем по этого депо. Писал я там приказы эти все, да. Ээ,

да, и, что, уже, уже в этом ... Да, и возил сведения об, об этом кавдепо. Ну, это такое (???), что видимо понимали, что меня надо проверить. Так, видимо, ста... ставился вопрос, кто я такой: Тот ты или не тот, да. Я так понял, что, да, что это так, хотя собственно и не думал особенно. И значит, ээ, возил я п... это самое, сведения об этом полку. Ну, можно сказать так. Там правда не так уж большой. А л... этот, военная часть стояла там, где были кавалеристы военные немцев. Туда и пистолеты или ружья, всё было. Это солдаты наши таскали оттуда кошкой. [смеётся] Вкинутое вытаскивают, да. И мне даже подарили кольт, пистолетик. За то автомат мой куда-то девался. Ну, правда, потом нашли, нашли у одного солдата. Получил он по свой, по заслугам. Отлупили, но вопрос конечно, он не (вырвал ?) автомат, так. А меня один раз обстреляли, кто обстрелял – Бог его знает. Я возьми дури и скажи это самому, своему другу, ээ, старшина был. А он взял и продал меня. Ну, в общем, там получилось так: Ээ, лошадь была страшно ретивая. Но, учитывая, что я сам пас в Стасях, дома, лошадей и сколько я на них ездил без седла, без ничего и падал через голову лошадей, она упадёт на колени, и летишь прямо, да, сколько, значит, да. И поэтому, коно... коновод говорит: „Слушай, эта лошадь такая, что ...“, он говорит, да. Я говорю: „Знаешь что, вот давай попробую я на ней.“ Он выводит, я, значит, сел. Она как даст свечку, становится на задних ногах-то. Но, а плётка, конечно, всё же как полагается всё, и шпоры, ээ, сапоги со шпорами. Я её как прижал, она, значит ... А потом по-между ух плёткой, а она как понесла меня страшно. И я, когда обратно, думаю, наверное, она, это, опять будет вы... выкаблучиваться. Нет. Сел спокойно, ничего. Я когда ехал, и два человека от, ээ, с двух сторон. Но она же подкована на все четыре, и стучит страшно по асфальту. А лес. С двух сторон, значит, с одной стороны песок, и с другой песок. Как обычно дорога делается. Но, и ... Значит, да: И я смотрю, и вдруг-то я говорю: „Что к нам мне пистолет вот этот, а автомат я не взял.“ Значит, я пес... да, и думаю, что, как сделать. Я направляю на одного слева, а справа я моей правой ногой бью, чтобы он не схватил за лошадь, так сразу ... А она ретивая эта лошадь. Такая

что со... собьёт, если он станет, тот, левый, он наверное собьёт. И мне так (???) (вышиб ?). Он, правда, отскочил. Ну, да, а второго-то я по руке и они ничего, я сразу раз направо, на песок, а песок там сливается с этим, с деревьями, а, значит, не видно меня. Они выстрелили два раза, (???)

АД: [одновременно] А кто это был, кто это были?

КА: Ну, банда какая-то. А может немцы, чёрт его знает. Я приехал, вот сказал старшине, а он меня заложил, это, Машталеру. Машталер вызывает: „Ага, почему без автомата?“ Вот тогда я и обнаружил, что автомата моего нет в пирамиде. [вздых] „Сколько?“ – „А, десять суток ареста.“ Да, ну, я ш... ээ, так я пошёл к Семёнову и говорю, докладываю: „Десять суток ареста. Машталер.“ – „У нас негде“, говорит, „здесь сидеть. Ладно“, говорит, „я что-нибудь придумаю.“ Хороший человек просто, он, это: „Я что-нибудь придумаю.“ – „Вот что“, говорил. Ну, он докладывает Машталеру: „Куда садить?“ – „Позвони, ээ, это, 43-ий, в штаб 43-ей армии“, это подчинялись ему, 43-ья армия. „Позвони, и он... они тебе сдадут куда привезти, чтоб отсидел десять суток.“ Он позвонил и, и им сказал, что: „Скажите, если Машталер будет звонить, что нет мест.“ [смеётся] Он, Машталер всё-таки посадил меня в какую-то конуру. Я два дня посидел. Там холодно, зараза, простыл, да. И потом пришёл, да, этот, Семёнов и говорит: „Давай выходи. Ну, я“, говорит, „его уже уломал, что надо писать, надо прика... надо то.“ А кому? Некому. Всё-таки выпустили меня за счёт ...
И таким образом, своим ходом мы в 43-ем году в июне-месяце пришли своим ходом, ээ, в Волковыск, Беларусь.

АД: 45-ый, наверное, год был, да?

КА: 46-ой.

АД: 46-ой.

КА: Мы уже ... В 45-ый меня призвали в сентябре, а, ээ, в 46-ом мы, значит, ээ ... Сначала призор от полевой этот 166-ой полк. А потом вот это попал я в кавдепо. Мы, значит, пришли своим ходом. Нас даже в, в лесах вот этих, как наша пуца, обстреляли какие-то бандиты. А я уже, а у меня был пулемёт ДШК, Дегтарев-(???)-Шпагин, это зенитный пулемёт. Но по наземным он строчит страшно! И пули – разрывные. Они как бьются, это так светится, разрывается и светятся. А мне это интересно. [смеётся] Естественно, молодость. Я до... до... до... это самое, помощник там мне ленту давал. Я три ленты расстрелял, там никого нет. [смеётся] Ничего. Проходили мы целый день, целый день по лесу, ничего не нашли. Так и поехали. Вот в Волковыск пришли. [---] А через границу, да, пистолет этот провезли в этом, в мешке с фуражком. Мой пистолет такой. А это не, значит ... Да, лошадей сдали в сельское хозяйство этих наших кавалерийских. А нас, тех ... Значит, там было много в возрасте стариков. Их – демобилизация. А нас в 30-ую дивизию в Гродно. Возле вокзала там был военный городок. Эта 30-ая дивизия эта называлась, ээ, как у нас, трижды краснознамённая, дважды ордена Ленина, Кутузова, Суворова, Александра Невского, имени Верховного Совета РСФСР, такая дивизия. Даже в строю пели: „Прошла, прошла 30-ая вперёд в пламени и славе. От голубых [---] кавказских гор в боях Чонгарской переправы. Прошла, прошла 30-ая вперёд в пламени и славе.“ Ещё осталось это, так как ... Так вот туда в эту дивизию. В полку было четыре героя Советского Союза. Один со мной спал, как же его, его Василий, по-моему, да, звали. „Ну, а как ты получил этого героя?“ – „Так“, говорит, „в Вислу. В Вислу“, говорит, „безвыходное положение“, говорит, „получилось, что х... де... де... переправляться, а“, говорит, „немцы атаковали по страшному. А у нас“, говорит, „раз, эта лодка тонет. Мы“, говорит, „на берег. Ну, это с лодки там“, говорит, „двадцать или тридцать человек. Пере... пере... ээ... переплыли до берега и стали оборону и начали, значит, оборону занять. И“, говорит, „за это мне дали героя С... Советского Союза.“ Такой спокойный малый такой, да, вот. И я, значит, опять в полку опять писарь в этом, ээ, значит, эта

же какой же полк? А где-то у меня там есть написано. Полк был 30-ой этой дивизии. Ээ, был я, значит, писакой, потом некого было посылать командиром взвода по доставке леса для ремонта и строительства этого военного городка возле вокзала в Гродно. И меня туда послали. Значит, послали, и вдруг приходит [смеётся] приказ. А я ... Вызвали меня, и зачитывают приказ полка: Мне, значит, звание гвардии ефрейтор. [смеётся] Здорово, заразы, (???). [вздых] Ну, вернулся я оттуда [---] и стал заниматься лыжами. Я на лыжах с детства. И вот, значит, в сорок ... Это был уже 46-ой, 47-ой год, 46-ой, 47-ой на зиму. Ну, форм... то есть, спортивная форма и так далее, тренировочки были почти ни... ничего. И почти без тренировки я в 47-ом году зимой по белорусскому военному округу зар... занял второе место – бег двадцать километров по пересечённой местности. Это траншеи, а ручей там и так далее и тому подобное. Ну, на следующий год уже, значит, мне от в... от всего, от всего отстранили и, значит, готовиться, вот эта, значит, зим... зима 47-го, 48-го года, готовиться, значит, к соревнова... чтобы с... с... соревноваться. И мы, значит, готовились, оказалось, снега нет в этом году. Да, ну что ж, нет, значит ...

Да, и вот как-то, ага, весной, уже 48-ой год, меня вызывает, да, арестовывает майор Стасюк, контрразведка Смерш. [---] И, значит, снимает погоны, в карцер, потом на допрос. И сразу говорит мне: „Ну ладно, я знаю, что ты тут врал сколько угодно, когда в этом самом, эм, Торгау на Эльбе, где спрашивали.“ Им, им уже, им уже сообщили это всё, что я говорил, да. Говорит, что: „Ты всё, всё врал всё. Поэтому, ты говори правду. Кто какие задания давал, что.“ Я ему так говорю: „Знаешь что, майор ...“ Так говорю: „Ни хрена, никакие задания мне никто не давал. Не тот“, говорю, „я человек, чтобы зада... да... задания получать.“ Он: „Аа. Так ты говорил, что спускался там с четвёртого этажа и, и так далее, с вашего, где вы жили, ээ, в этом, на шахте, ну, в Дойч-Оте. А, всё это, всё это, да.“ Я говорю: „Знаешь что, я не скажу ни слова.“ [---] Сидим. Он не выдержал: „Знаете, мы таких ставили к стенке.“ – „Да“, я говорю, „тут вопрос.“ Я говорю: „Да, немцы не добились – давай ставь.“ И мы с ним сцепились. Он: „Да!“ Я зак... я говорю, я говорю: „Ты ж,

похоже, не человек“, я говорю. Просто так я говорю, мне уже всё равно. Задело за живое и всё. Он, да, и он как-то подошёл мне близко, что я плюнул на него прямо. Прямо ему в рожу. Он, значит, за пистолет, и всё: „Стреляй, стреляй“, я говорю на! [---] И тут этот подполковник, по-моему, фамилия его Белов был, заскочил, шумел: „Что такое?“ Я говорю: „Вот, стрелять собирается, видите.“ Он: „Майор Стасюк, выйдите.“ Он вышел. „Садись, успокойся. И напиши, что у вас произошло.“ Я писал. Я говорю: „Он же меня арестовал! Где“, я говорю, „основания на арест?“ Он: „Хорошо, всё“, говорит, „забрал, и“, говорит, „получай форму, получай“, говорит, „и иди в часть. И не говори, где ты был.“ Мои, то есть, по... подполковник этот. [вздых] Всё, я пришёл, но, ээ, ну и едри его мать, всё равно наверное посадят, так и ... Да. [смеётся] Всё (зарывают ?) это, ну да. Ну, и отца же арестовали. Вот это всё вместе, значит, за отца. А получилось как. Значит, я ... Как-то получилось, что комиссию проходили, в Гродно проходили в этот, в лётные части солдаты. И я, по-моему, пошёл по эту комиссию. Уехали, это самое, уехали на, значит, на учёбу все, а я остался. И меня старшина спрашивает: „А в чём дело?“ Я говорю: „Не знаю, наверное“, говорю, „за отца.“ Ну, и вот значит он и сказал (им?): „Этот майор, так, а что с отцом?“ Я говорю: „А так и так, его арестовали, ну“, я говорю, „я же не знаю где, и, и никто не знает, где он. Так вот“, говорю, а, вот, да: „А откуда ты знал, что ... Ты сказал, что он не под... не... ничего н... это, никаких на его счёт подозрений не было?“ Я говорю: „Был такой протокол милиции Диканьской, он был кассиром Диканьской МТС, да, и его заложил главбух МТС, они не мирились.“ Вот я говорю: „И он, вот этот протокол, уже был у нас, есть у нас“, я говорю, „протокол, где ничего нет против него. Нет ничего абсолютно. (???) (вручил ?).“ – „А ты можешь такой протокол нам представить?“ Я говорю: „Нет.“ – „Почему?“ – „Не хочу“, говорю. Так и говорю: „Не хочу.“ Он: „Захочешь.“ Я говорю ... Ну, потом же это всё произошло, значит, да. [вздых] Всё произошло это всё с ним. И я, значит, свободный, всё. И начал в самоволку [---] ходить, через дырку. [смеётся] Всё равно война, да. Так. А ... Ага, да, в общем, как говорят, как, достал

он меня, этот майор. Я не хотел говорить по нача... Это, командир полка, хороший человек, видно его просто. Как его, Петров, ээ, это, с... Фило... Фаненко или вот такая фамилия. В общем, орден Ленина, орден Красного знамени, ну, естественно, что там Отечественной войны там и так далее, всё его, вся грудь. Но, достал этот меня. Я через дырку познакомился там с девчонкой, да. И он, наверное, вынюхал, что она – спецпочта. Это же спецпоч... с пистолетом ходит. [смеётся] Видимо его это задело, это что – майор. Он опять, значит ... Да. И тут как раз, это уже ап... апрель 48-го: демобилизация. Демобилизация, я, значит, меня не демобилизуют. Проходит ... А демобилизация была в феврале. Март, апрель, а меня не демобилизуют. Я спрашиваю у начальника штаба полка. Я говорю: „Слушайте, надо ... В чём дело, что меня ...“ А он говорит: „Иди к командиру полка.“ Да. Я пришёл к командиру полка, просился, всё доложил, как полагается всё. А перед этим, да, перед этим я, значит, в стрельбах по мишени, ээ, этот английский двухмоторный самолёт тащит хвост кошкин, а по нём стреляли. А я же был на этом, ээ, наводчиком ДШК-пулемётов. И каким-то образом, чудом, получилось, что в переменную погоду я по самолёту не попал, это, [смеётся] это было бы ... Не знаю, а, а этот хвост отлетел. И вот мне дают отпуск домой. Но и видимо еще что вопрос проверить, кто я действительно, если родные примут, так тоже ... И я еду домой. Еду там и приехал. Брат старший – дома. Брат, не старший, этот Юра, Юрий, самый старший, 15-го года. Он, все говорят, по... погиб. Погиб. Погиб где? Брат, этот средний, Вячеслав говорит, что: „Он последнее письмо мне“, говорит, „в Москву“, он в Москве был, „мне в Москву“, говорит, „прислал где-то“, говорит, „в 43-ем году в августе или в сентябре к... и писал, что они выходят на освобже... на освобождение Крыма и Одессы. А он был, значит, ээ, политрук корабля, Юрий. Ну, он, естественно, я, он, в его, как говорят, он же не это отца, не, не Адамца. Это мать, первый у неё был уже, да. Вот первого мужа, значит, этот Юрий, да. Отец уже женился. Он не стал с чехами, что-то у него произошли какие-то распри, и он пошёл в ЧК. Чех в ЧК, да. И вот я приезжаю, брат как раз домой меня встречает, один

охотился на лис. И ... А я шёл пешком с Полтавы, 18 км пешком. Такие, что ... Были разные. Даже женщина, которая мне возле разбора воды, водяной колонки сказала: „Сынок, ты не особенно смотри.“ Говорит: „Тут такие вещи творятся, что ...“, говорит. „А куда тебе?“ Я говорю: „В Стаси.“ – „Ага, знаю, но осторожно“, говорит, „смотри, да.“ Я говорю: „Я не могу ждать.“ И пешком ... И вот и встретил этого. А я говорю: „Что ты охотишься? Вот лиса“, говорю, „меня только минут пять, как“, говорю, „пробежала возле меня лиса.“ [смеётся] Оказывается, это (???) Михаил, старше меня, года на три наверное. И он меня привёл домой. Привёл домой, и говорит: „Марфа Ивановна, вот ... Славка!“ А Славка уже секретарь сельсовета Стасильского. Он, брат, пришёл же в 44-ом году без ноги. А где у него нога? Значит, осталась, значит, здесь, ээ ... Как же этот городок? В Гомельской области в 44-ом году в этом, в Мозыре он работал на катюшах. А он был шофёр вообще. Ну, с катюшей, да. И вот этот немецкий ванюша накрыл их как-то. И он получил тяжёлые ранения, и, значит, ему должны были отрезать ногу, правую. Но он, они же на катюшах работали, пистолеты имели, хоть он и был старший, то есть, старший сержант и старшина, но всё равно носили пистолет. „Ну“, говорит. Пришли отрезать. „Я“, говорит, „ни в коем случае.“ – „Ну“, говорят, „помрёшь. Бог с ним.“ И его – раз на самолёте в Москву. В Москве, конечно, естественно, что может быть отрезали бы и меньше, а так он заартачился, то уже отрезали ... Ээ, кул... культя только осталось. Притом же гангрена пошла за это время, всё. И он, хотя его не, не брали туда в Ташкент ... Ташкент – город хлебный они называли тогда, и говорит: „В Москве тяжело.“ И вот и его отправляют в Ташкент, но его не было в списках. А он сел, пришёл в автобус, сел, на, на вокзал, и ехал, и всё, а, а с костылями. Ну, а те пришли проверять. Говорит: „Адамец, тебя же нет.“ А он говорит: „А считаете, что я здесь есть, есть натурально.“ – „А вот тебя в списке ...“ – „Запишите в список.“ И записали. [смеётся] И он, да, и он отправился туда в 44-ом году. С Ташкента приехал уже полностью ... Всё. [вдох] Вот такой. Я, значит, побыл месяц. А как раз в этот день, три... шестого марта, шестого марта родилась

первая дочь у брата, Люба. В этот день я приехал, и мать, когда встретил, когда говорила, он говорит: „Славка прислал солдата, солдата“, говорит, „к вам переночевать.“ Мать смотрит, смотрит, смотрит. В конце концов: „Костик!“ Костика меня звали. И сразу всё ясно стало. Ну, приехал брат с этой, с квартирой самогона, чтобы, это, обмыть же. И начали мы с ним обмывать дочь. Пробыл я месяц. Всё нормально. Приехал в часть. И как раз через два месяца, по моему, я в п... в феврале поехал в отпуск, а в марте приехал обратно, а в феврале уже демобилизация была. И я уже, значит, не ... Меня не демобилизовывают. Я пошёл к полк... ээ, к начал... к командиру полка. Он говорит: „Знаешь что был у меня полковник Белов, начфиз дивизии. И“, говорит, „сказал, что“, говорит, „он п... он“, говорит, „хочет, чтобы ты остался на сверхсрочную, учитывая то, что ты можешь хорошо ходить и занимать большие места, может быть даже, ээ, республиканского или союзного значения.“ Да, такое. Ну, на лыжах, значит, я умел ходить, да. Ну как, как? Я говорю: „Ну, он ко мне не обращался.“ – „Ну“, говорит, „давай я тебя свяжу.“ Связывает. Я говорю: „Товарищ полковник, мне надо домой.“ Он: „Ну, я бы хотел, давай останься на сверхсрочное, ты же будешь занимать отличные места.“ Говорю: „Может быть, но хо... я хочу домой. А потом возьми да и скажи, пусть, ээ“, я говорю, „пусть служит майор Стасюк. [смеётся] Я“, говорю, „уже отслужил своё, три года. Хотя должен служить два, да, по закону, если ...“ [вздых] Полковник: „Что же делать, ну, ладно. Даю тебе две недели срок. Думай, сынок. Через две недели придёшь, как решишь, так и будет.“ Через две недели я переговорил с поло... с полковником и я говорю: „Полковник, не могу остаться, не могу.“ И он уже: „Аа.“ Полк... этот, тоже полковник, командир полка говорит: „Это за Стасюка?“ Я говорю: „Да, из-за Стасюка, и, и вообще“, я говорю, „хочу домой.“ – „Ладно.“ Ну, и вот через две недели он меня отпустил. Всё дали, продукцию визы, это всё. Всё, значит. Приехал я домой. А дома что? А, ещё ж привёз девушку эту! [---] [смеётся] Спецпо... ээ, спец... спецпочта. Наташа. Да, украинка, но она жила в Гродно. [вздых] Приехали мы домой. Брат: „Оо!“ Не мог найти тут ... [смеётся] В Стасях всё, да, как обычно

эта история. Ну короче, я не стал разговаривать по этому вопросу, это ж всё. Ну, я говорю: „С ней не задержусь, не бойсья.“ Прихожу, встречаю в Диканьке, чтобы сняться с военного учёта, значит, да, это, ну, ещё что военно... Я не военнообязан уже. Ну, сняться с, не совсем, а на учёте я стою. Я, значит, пришёл. Встречаю, это, Могилку Василя, учились вместе. Я говорю: „Что, Василь, что?“ – „Я“, говорит, „первый секретарь райкома комсомола.“ – „Но я“, говорю, „узник.“ Он говорит: „Да, это всё чепуха, приходи завтра, и договоримся, я тебе дам работу.“ А завтра я пришёл, меня встречает милиционер, говорит ... возле райкома комсомола, это начальник у милиции. Прошёл. Он посмотрел на меня: „Ну, что ж, [---] а ты знаешь, что такие как ты должны только быкам в колхозе хвосты крутить.“ Я посмотрел на него, я говорю: „Ты какой рьяный, посмотрим, кто крутить будет хвосты.“ Да. Прихожу к Василию, говорю: „Василий, вот так и так.“ Он говорит: „Слушай, Костик, что делать, я ничего не смогу сделать, это же“, говорит, „ты же знаешь какая власть.“ – „Знаю, чего мне в армии уже хватило. Был такой Стасюк“, говорю, „как вот этот тоже твой тип.“ Ну, короче говоря, что я завербовался, поехал в Харьков. В Харькове, значит, ээ, сначала это были военные железнодорожники, но я как гражданин по лицу. Военные железнодорожники, какой? Главный военно-восстановительный поезд №22, сокращённо ГАРЕМ 22. Они строили, на сортировке строили завод, ээ, этот самый, паровозостроительный или вагоностроительный, его вот строили там, да. Ну и я говорю, что: „Да.“ А он говорит: „А мы направляем вас в Мерефу“, Мерефа – это 25 км от Харькова, „в Мерефу, там, значит, мост строить.“ [вздых] Ну, я – комо... плотник, а начальник мостовой колонны – капитан железнодорожных войск Ерёмин Михаил Сергеевич. Посмотрел он на меня: „Ну, что у тебя?“ Я говорю: „Справка.“ А справку [смеётся] дал брат мне, Славка, что я плотник третьего или четвёртого разряда, не помню. Понимаешь? [смеётся] Ну, делал лыжи сам! Так он посмотрел на меня: „Аа, посмотрим, дадим, после проверим.“ Как? Он мне: „А ну, сделай мерный ящик.“ Это мерный ящик: Эти самые, ну, цемент там, песок, что... чтобы это уложить их в колонну мостовую, значит,

(???). Я сделал этот мерный ящик. Он посмотрел: „Ничего, ничего, пойдет, сойдёт.“ Тогда уже делали опалубку для бетонирования э... э... этих стоек. Я, да, делал я так, да. А потом вдруг выгружали криозотные шпалы и обгорели все. Это в июле-месяце 48-го года. Жара – страшная. И, значит, что? Да, обгорели. И он мне говорит, Ерёмин: „Ты на арифмометре знаешь?“ Арифмометр, тот, какой мы крутили ручкой, раз-раз – как рабочие говорили: вам, вам а потом нам [с акцентом на последнее слово] и ничего не остается. [смеётся] Он: „Давай“, говорит, это, „занимайся этим.“ Да. Я пошёл пора... поработал, вроде ничего. Потому что и он ... ему тоже отвечать, что при такой температуре разгружали криозотные шпалы в противопопри... ипритных костюмах. Это же недозволительно вообще! Ну, здоровье так ещё ничего, сам всё это. И Ерёмин говорит: „Знаешь, на меня наваливается, что ... Да, так хоть ты ж будешь работать, а то“, говорит, „все п... это, под вагонами сидят в холодке.“ Что разгружал эти вагоны, а там может быть шесть человек, что ли. Ну, я начал работать. Так и остался, как он назывался тогда, табельщик, что ли. Да. Ну вот, так и остался. Но что характерно, какой честный был человек Ерёмин! Кошма... Это удивительно. Теперь, я думаю, найти такого человека это труда составит большого. Однажды, я ш... каких-то, не помню, 100 рублей, может быть не рублей, по-моему или 100 или 50 рублей, каким то механическим способом сот ... Ну, вон я держу ... <>

АД: Да, Константин Войтович, Вы закончили, что Вы механическим образом поменяли 50 рублей с одного рабочего на другого, (перестали ?).

КА: [одновременно] Угу. Да, да, да. Да, да, да, на другого. И он заметил и на меня посмотрел так, что я понял. Оказывается, это самая настоящая механическая ошибка. И я уже думаю, как перед ним оправдаться, это против так... такого человека, это вообще ... А я его считал Богом, да. Проходит время, он прих... как-то месяца через три он приходит: „Слушай, Костик, я“, говорит, „на тебя

грешил.“ Я говорю: „Знаю.“ – „Так вот извини. Просто ошибка.“ Я говорю: „Да, это моя была к... конечно какая-то удивительная ошибка,“ я говорю, „да.“ И так мы с ним, значит, хорошо уже работали, нормально. И это был, да, в Мерефе это был 48-ой, 49-ый год. И я в комсорг, в армии вступил в комсомол! В армии. Будучи в Гродно. И вот, значит, в сорок ... Да, да, сагитировали меня: „Ну, что ты“, и эти спортсмены которые ребята говорят, „что ты, надо ж вступать в комсомол, что же, молодой парень, всё.“ И вот, значит, я в комсорг этого ГАРЕМа, мостовая колоннада ГАРЕМа всего, 22-го. И тут приезжает, 49-ый год, приезжает заместитель министра, мы с... с... с... ээ, входили в состав ГУ же. Главного управления военно-восстановительных работ МПС: Министерства путей сообщения. И, вот выходим из главного управления, значит, выходим, главное это управление выходит с МПС, да. Нет такого главного управления в 49-ом году. И, значит, приехал зам министра МПС и агитировать отправление в Вельск Печорской железной дороги, на строительство двухпутки, которые угли, значит из Севера, оттуда, Ка... Каноша, так называем, Коноша-Вельск и на Вельск, то есть, на ленинградскую трассу, железной дороги, вот. Ну, и он говорит: „Ты ж ... Как комсорг ты должен ехать, куда же ... Да, это ж ...“ Я говорю: „Ну ...“, и поехал. Поехал я, это 49-ый, опять, значит, этим, [---] ну, работать на мостовую колонну, ну, табельщиком даже можно сказать, или счетоводом. Счетоводом больше. Надо было начислить, всё это, да. Ну, правда, эпизода этого не хотелось бы (???) говорить, это слишком долго, да. Там эпизоды были, что с Украины приехали девушки и познакомились с ОЗК. Ну, [смеётся] а мы же комсомольцы, что ОЗК? Ну и вот однажды меня чуть был а не прирезал один ОЗКовец, что я отговорил её, с ним встречаться девчонке. Но, это как эпизод, да.

Ну, по к... в сорок... то есть, в 50-ом меня направляют в Днепропетровск: курсы старших главных бухгалтеров Главного управления железнодорожного строительства Севера и Запада. В 50-ом, да. Я его оканчиваю где-то в ноябре-месяце оканчиваю, шесть месяцев. Ну да, оканчиваю эти курсы. Приезжает полковник Самарин, главный бухгалтер треста, всесоюзного треста

Траснсводстрой, это по строительству, ээ, значит, ээ, сооружений, гидротехнических сооружений на, ээ, железные доро... дороги. И, значит, агитирует меня отправиться в Казахстан на строительство, значит, этих сооружений по линии, значит, Коноша-Вельск. Каноша – это на Карагандинской дороге, а Вельск – на Казахской дороге. Так вот эти 550 километров, это через пустыню Бетпак-Дала. Такое, значит, этого обходили поезда, чтоб нак... ээ, с этой, с казахской дороги попасть на карагандинскую 3.500 километров. А тут сразу 550 и всё. Вот на этой линии я проработал до 53-его года. В 53-ем году, да, меня, мне присвоили звание техник-лейтенант административной службы, да, приказ министер... ми... ээ, министра МПС ещё. Ещё МПС это всё делает, да. Вот, и, отпра... да, отправился, значит, я туда. Да, и своим ходом из этой линии мы с этим же составом, это был уже, ээ, значит, СМП, строительно-монтажный поезд. Ну, он считается тоже ... Тоже, ээ, был создан во время войны для, значит, строительства вот этих сооружений, тоже гидротехнических сооружений на железной дороге. Во время войны вот как раз это ... Да. Но уже я расстался с Ерёмным. Это мне, он мне зв... стал, сыном, сыном звал. Хороший человек, исключительно. А в Вельске, вот, не дай ... Да, такое хор... плохое дело. Дочь утонула его. У него было две дочери. Одна утонула. Это тоже конечно поражение. Ну, короче, пора... получилось так, что я приехал в декабре-месяце туда уже на эту линию. Ну, тогда, ээ, был ещё, значит, Среднеазиатский железнодорожный округ. И привезли нового начальника строительства, был там казах Казибеков, который развалил всю эту стройку. [смеётся] Казах, не же как, казах – это не работа, всё. Ну вот, да. И стройка ни к чёрту была. Ну, и он ... Они ... Матриса как раз шла там семь километров, шла, значит, из Новотроицка в Вельск одна, уже на, на, без средства на стройку. И они привезли меня, я ж, я же в форме и откозырял этому начальнику округа, ээ, ээ, да, Среднеазиатского железнодорожного. А (???) говорит водителю: „Забери“, говорит, „и этого лейтенанта. Пусть едет к нам, туда на стройку. Это годится“, говорит, да. Откуда? С Москвы направили. Ладно, всё. И я вот, я на этой, с... значит, проработал да 53-его года. В 53-ем

году переехали в Иркутск, вернее под Ирску... Ку... Куйтун такой, станция Куйтун. Тоже в этом же составе, в вагонах прямо переехали туда, да, в Сибирь. А из Сибири на, значит, ээ, в Енкер... Еркеншилик Акмолинской области, тоже СМП 24, там был 72-ой, а это 24-ый СМП, значит, на линии Сталинско-Магнитогорская магистраль.

АД: А что такое СМП?

КА: Строительно-монтажный поезд.

АД: Угу...

КА: Сталинско-Магнитогорская магистраль: Это Карталы-Акмолинск, а Акмолинск-Павлодар. А в Павлодаре, там угли оттуда, да. Та... что как раз такая тоже дорога, очень важное железнодорожное строительство. Ну, и там я проработал до 56-го года. В 56-ом году мне звонит с Москвы полковник Самарин, главный бухгалтер треста, всесоюзного треста Трансводстрой, говорит: „Слушай, тебе не надоело ездить по стройкам?“ Я говорю: „А что сделаешь? Так, такая моя судьба“, говорю, „езды.“ – „Ладно. Вот, что: Я тебя хочу перевести в Оренбург. [---] Оренбург“, говорит, „это ж, это же“, говорит, „да уже город. Я“, говорит, „там забронировал тебе квартиру. Ты же“, говорит, „один?“ Я говорю: „Нет“, говорю, „я же с Наташкой езжу.“ – „Ну, значит, приезжай с ней“, говорит: „Всё, давай, туда переедешь, да.“ Хорошо. Но, вернее, я ещё не хотел так особенно, а интересно, в этом самом два... ээ, 24-ом СМП был ... Ну, там у них такие СМП, не во всех, но есть военный запас. То есть стоит примерно пять, шесть вагонов, которые начинены всем военным оборудованием. Понимайте, всё там. И как-то получ... И он з... А я ч... Это надо допуск иметь. А у меня допуска-то нет. Хотя, собственно говоря, да. Но, они ... Приехал к... так, капитан с КГБ, с Алма-Аты, казах. Он посмотрел Я говорю, (???): „У меня же допуска нет.“ – „Аа“, говорит, „хай допуск!“ Да. [смеётся] Ну, в общем и так получилось, что я ... Получается ещё баланс. Там же

баланс разный был: Баланс, это то общий СМП и баланс вот этого оборудования. И как-то пришёл, был Водолажский такой. Николай Алексеевич, хороший такой мужик, вообще это вой... участник войны, рука у него совсем б... раненый совсем в руку. И он: „Слушай“, говорит, „я забрал с вагона, с одного ЖЭС, ЖЭС“, говорит, „по-моему тысячи или, или, или сотка, или тысячи.“ Ну, в общем, это важное было такое новшество, что оборудование, его нельзя брать было. „И“, говорит, „нас вызывает это, территориальное управление, этого, мобрезерва в Алма-Ату.“ И мы с ним поехали в Алма-Ату, да. Но один такой, такой случай вообще интересный. С Алма-Аты, нас там немного пожурили за эту ЖЭС, но всё обошлось. Мы оттуда садимся ехать, садится чечен, старый, где-то за 80. Стар... да, меня наверное года на два, что ли. И вот там с первым, на, на первый Алма-Ату приво... приезжаем, и его сыновья на „Волге“ привозят и загружают ему. А он два купил, значит, вагона. А вагон мягкий. У нас-то было право полное, значит, нас выписать, ээ, был. У меня было даже два, два, ээ, два билета по всей сети железных дорог. Это как спецформирование. Если не спец – тогда один билет. Но, значит, он купил два сидения и мы вдвоём, этот Водолажский и я. Я – наверху, а он – внизу. Загрузились, и начали, отъехали и он говорит: „Слушайте, давайте, у меня тут вот“, сколько тут, „ящик“, говорит, „коньяка“, да, „надо же выпить за дружбу, за зах...“ Да. Сели, выпили. Не успел я даже при... приспаться, он опять будит: „Так, давай выпивать.“ – [смеётся] „Мы уже не можем с этого коньяка, мы не можем“, [смеётся] я говорю, да, да. А он назвал, как-то там Галаутдин, такой-то, значит, как его фамилия, да. Приезжаем мы в Караганду. В Караганде он должен выйти – не выходит. Едет дальше, без билета уже, у него был загра... (ранний ?). Едет дальше, и ... Да, с Караганды, ээ ... Я пошёл, он мне даёт, тогда были такие деньги, так он даёт, по-моему, три сотни, что ли, говорит: „Сделай, что билет.“ Я прошу воз... проводничке, говорю: „Слушай, девушка. Надо“, говорю, „устроить человека билетом.“ – „Ну“, говорит, „всё, хорошо, на следующей станции я“, говорит, „сделаю это, билет, всё это.“ Я ей отдаю деньги, я же ... Да всё.

Она приносит билет. Всё нормально, поехали до Алма-Аты, [исправляется] до И... до А... Акмолинска, до Акмолинска. И, это, там он должен ... Кто-то его не встретил в Караганде. Ээ, ну, и мы уже едем как-то днём: „Давай“, значит, говорим: „Николай Алексеевич, давай его пригласим в ресторан, ну что, он, он всё время нас поит, а д... Уже так у нас помрачнение.“ Он говорит: „Да, давай.“ Мы пригласили в ресторан. В ресторан приш... Он не хотел, очень отказывался, но всё-таки мы его уговорили. Он побыл, и когда пришли, а он говорит: „Только не дай Бог не говорите. что мою фамилию пи... и ... Скажите, что такой-такой там.“ Он назвал другую фамилию и всё. „Потому что“, говорит, „я же“, говорит, „предводитель чеченов божественный“, ну, это самое. „И“ говорит, „если они узнают, что я еду здесь,“ говорит, „они атаковать будут все вагоны,“ говорит, „эти чечены, по дороге.“ И один чечен правда подошёл ко мне: „А кто это?“ Я говорю: „Да, вот так и так.“ – „Аа, то“, он говорит, „думали, что это другой.“ Видишь, они уже разведку проводили. Ну, он всё-таки в Алма-Ате выгрузился со своим ящиком, и там закуски, и всё это, х... окорки и так далее.⁵ А мы поехали с Николаем в Еркеншилик к себе. Ну, в общем вот такой эпизод просто. А почему ... Аа, а вот потом через месяц появилось в газете, я говорю, это обычно выписываю. И, значит, появилось в газете, что этот Галаутдин уже, значит, находится вот, где эти ездят, значит, по... по... Как она называется, то сейчас тоже же ездят ээ, по божественным, да, ну, туда, ээ, по-моему, в Израиль, не в Израиль, там дальше это, где Папа римский-то. Вот тут он их же ежегодно там посещает. И вот пишет, что, значит, он участвует в, в какой комиссии там, да вот, божественных духов, всё. Я приношу Водолажскому, её ложу на стол, говорю: „Видишь?“ А мы не верили, думали, что какой-нибудь проходимец, Бог его знает. А он, кажется, да ... А он нас ... Даже дал адрес, пригласил, что: „Если в Алма-Ате будете, то заходите.“ И сыновей дал адрес, что, говорит: „Вы будете не пожалеть.“ В общем вот так больше нас не случилось. А я переехал в Оренбург. Это 56-ой год. Переехал в Оренбург, значит, да. Уже в СМП 59. Это номер,

⁵ Es handelt sich wohl um einen Irrtum, denn in Alma-Ata begann die Zugfahrt, der Tschetschene ist in Akmolinsk/Astana ausgestiegen.

номерація, СМП 59. И он мне квартира, значит, всё это. Поработал там. Звонит мне ... Ну в общем мы конч... Да, ээ, это я уже, я уже поступил в институт: Московский Финансово-экономический институт, всесоюзный заочный. Да такой есть институт, был в Москве. И, значит, я в шесть... это, значит, ээ, 60-ом году кончил десять классов. Три класса кончил, восьмой, девятый и десятый, после 16-тилетнего перерыва, да. И уже, значит, меня там, в Еркеншилике значит, в 24-ом СМП приняли в кандидаты партии. А там так, значит, получилось: Так ведь, везде так, что первый секретарь – казах; второй секретарь – русский обязательно должен быть, кто-то работать должен. Так вот была женщина, ну, такая хорошая женщина, вообще русская женщина, да. И когда я откреплялся, и выезжаю в Оренбург, она мне сказала: „Ты рискуешь. Имей в виду“, говорит, „что мы знаем тебя, а“, говорит, „и знаем твои все дела. Но“, говорит, „кто будет, кто“, говорит, „это самое, будет брать на себя ответственность, трудно сказать, как сложатся там обстоятельства. Я бы рекомендовала тебе ещё поработать год, вступить в партию и здесь, а потом езжай куда угодно.“ Я всё равно уехал. Уехал.

А у меня же, получается, что узнал я, когда дома был, что брат не известно где, Воло... Владимир, и сестра Мария не известно где, понимаете? А мне, кстати, в это, Люксембург одна с моей деревни Маруся Янько передала записочку. Не помню, би... через кого, что: „Твой ...“ Что Маруся живёт, по-моему говорит, жила во Франции, в Париже, а потом переехала. Дочь вроде у неё родилась, и значит, переех... там у неё, ээ, у дочерей, что ли, порок сердца и она переехала в Нью-Йорк на операцию. И там вот так она мне сообщила. Я конечно удивился, ну, собственно вот так. А когда приехал, тогда ещё в отпуск приехал, то брат говорит, что никого не знает и единственное, что, что: „С Чехословакии“, говорит, „пришло письмо сестры отца, сестры отца, что она, значит, сестра пишет, что кто остался жив, напишите или хоть покажите где на карте, чтобы можно было определить, где же родные.“ А он, как коммунист, всё это пропустил между ушей и адрес мне не дал, да, оказывается, да. А я, будучи в отпуске ещё с Оренбурга, ещё

форму носил, да, железнодорожную, я приехал, и мне мама говорит ... Тогда Хрущёв был, стал первым секретарём ЦК, и было потепление, и он объявил, чтобы возвращались с других стран. И вот, с Уругвая вернулся такой Дикий. И мама говорит: „Дикий вернулся с Уругвая, говорит, знает, где Володик.“ Брат. Я еду туда к нему в форме, он посмотрел на меня и понял, что это или подо... подослана милиция, или КГБ или кто-то, непонятно. И ничего он мне не сказал, я беру мать и везу туда. Тогда с матерью он уже согласился, видя что, доказательство, что я именно тот, да, а форма – это чепуха, железнодорожная форма, значит. Он мне дал адрес в Уругвае кого-то, женщины какой-то, которая знает, где брат. И я, и я через пару месяцев получил письмо от брата, значит, уже с, с этого, с Са... с Бразилии, с Сан-Пауло. Из Бразилии от брата получил письмо. И он мне написал адрес Маруси в Нью-Йорке, Маруи, сестры. Вот, это уже в Оренбурге, да. Ну, вот такая ... Да, в Оренбурге решают исключить меня из партии, всё. Я ... Да, и в партийную комиссию пишу, парткомиссия обкома. Вызывают, и говорят: „Вот так и так, что“, мол, „у тебя брат, отец, значит, арестован, так, брат в этом, в Бри... ээ, в Бразилии, сестра в Нью-Йорке. Пока мы там не уточним и так далее эти все вопросы, отказываем в приёме.“ Ну, я так это пошутил, говорю: „У вас, как в басне Крылова. Не ты, так твой брат, твой сват или кто с вашего рода – как волк и ягнёнок.“ Я говорю: „Волк всё-таки съел ягнёнка“, говорю. „Кто-то из вашего рода был таким.“ Так я говорю, так такое нельзя: „Аа!“ Рот раскрыли, что, мол: „Видишь, как-то ещё, ещё, как выступает даже!“ [смеётся] Ну, ладно. Значит, всё. После этого, да, я уже, уже здесь в Минске. Ээ, в Минске, значит, меня переводят в СМП тоже, 69. Это тоже по той же самой профе... профессии, и главбухом. Но я уже ... Да, ещё не закончил, точно, ещё не закончил институт. Я в этом, в 60-ом поступил, и то, как поступал: в ленинградский, ээ, этот самый, МИИТ, в ленинградский, аа, не – издо... ээ, это, ЛИИЖТ ЛИИЖТ. Это Ленинградский институт инженеров транспорта. Не приняли. Правда потом, когда я уже поступил в этот, ээ, Московский, прислали мне вроде то, что надо, по ... п... пришли сюда такие

документы. Я им написал, говорю: „Не приняли, значит, не надо.“ А, а почему – я написал, что я был в Ге... был в Германии, что был, значит, в Германии, и всё. А мне этот самый главбух треста Самарин ... Тоже хороший такой человек. В 65-ом году умер. Хоронили мы его с Тимофеевом. Это друг мой, вместе в институте учились, Евгений Иванович. Где работал? Он тоже работал в СМП, но в то время он уже работал де... этим, главным бухгалтером треста на севере, вот, да. И он мне говорит: „А что ты писал?“ Я говорю: „Да, вот то.“ Говорит: „Начёрта ты это писал! Что, ты не знаешь, что ли: КГБэшники, есть“, говорит, „умные, и есть дураки, как, ну, как везде. Ну“, говорит, „они“, говорит, „так: умный – если поймёшь, что ты не писал, допустим, а у тебя есть такое, то пропустит, скажет то, что я всех должен, могу проверить всех этих, что-то, что учится. А дурак“, говорит, „не поймёт, и тоже пропустит.“ И я не писал ничего, что, где я был, был в оккупации, и всё. Я, значит, прошёл в МИИТ, [смеётся] это есть, в этот, в московский ФЭИ, это московский финансово-экономический институт, да. Да, и закончил его в 65-ом году, уже будучи в Минске, здесь. В 65-ом году закончил, всё. Но и поработал, да, в этом СМП. Потом мне предложили заместитель главного бухгалтера главного управления Сельстроя. Журавлёв такой был главбух, уже помер тоже, да. Его, значит ... Я поработал там немного, это в каком году? В, 65-ый, 66-ом году меня, в 66-ом, да, в ш... 66-ом назначают главным бухгалтером Минсельстроя, треста, Минсельстрой. Я там семь лет проработал, и не сработался с заместителем, такой был Снегирь, который ... [смеётся] Каждый раз мне приносила секретарша треста, значит, приносила, что он, значит разговаривает с Сибирью, везде там с сыном и с другими, за счёт государства. Ну, я ему прихожу и говорю: „Слушай.“ Меня же прихо... приходит мимо: „Приносят“, говорю, „что я должен делать? Я же ж контролёр.“ – „Аа, чепуха.“ Я говорю: „Ну, не, не хочешь по-хорошему“, говорю, „я доложу Саковичу, управляющим треста.“ Он: „Докладывай.“ Я доложил Саковичу. Сакович вызывает, говорит: „Слушай, недавно одного“, говорит, „управляющего трестом сняли с работы только за то, что жена

переговорила где-то с дочерью тоже з... ээ, ну, где-то далековато, да, ну, за счёт государства; так“, говорит, „и из партии, и с работы сняли.“ Ну, он, значит, он и закусил (???), и начал писать на меня. А там в сельсовете, ээ, в Стасях изменилась обстановка, секретарь там другая. И та секретарь написала, что, чёрт я знаю, что, не знаю, но, в общем, мне уже сказал, [ищет бумагу] вот этот, [продолжает рассказ] что, говорит: „Те... тебе в партию бесполезно, не примут. В Минске бесполезно.“ И наверное, оно так и было. [копается в бумагах] Где-то это я с... Вот, в Минске. И вдруг объявляется и звонит мне Тимофеев, мой старый коллега, с 50-го года знакомы, и говорит, он уже, Тимофеев уже, ээ, ээ, был в Киеве, я его посещал несколько раз, даже с семьёй, вот уже отсюда, говорю я, с Минска. Ещё, правда, в другой квартире жил. Посещал, а, значит, в Киеве, он, значит, жил в Киеве, он ... У него детей не было, была жена Таня, и он вдвоём жил, да. А потом он переехал, его перевели в Москву главным бухгалтером, ээ, Мос... ээ, этот, Мосметростроя.⁶ Это уже фигура, так сказать, да, Мосметростроя. И через год назначают его главным бухгалтером главного упра... финансового управления Министерство транспортного строительства. А мы с МПС ушли в 53-ем году, организовалось новое министерство, это ещё при Хрущёве, и перешли, значит, в это министерство. А находится оно в центре Москвы, да. Так вот он мне звонит и говорит: „Слушай, тебя разыскивает Иванцов.“ А Иванцов – жили вмес... в вагончике на линии (Маентычу ?). Это когда строили в (Маентычу ?) в Казахстане, мы жили в одном вагоне с ним. Он с семьёй, и я, да, ну, я вдвоём с женой. С... я ... У нас не было детей. Детей не было. Ээ, правда, в Казахстане там она забеременела, но оказалось, что выкинули всё, и она стала вообще не ... Вот, ээ, да, „Иванцов“, говорит, „едет управляющим трестом Тындатрансстрой на БАМ и“, говорит, „хочет с тобой переговорить.“ Я говорю: „Дай ему мой телефон.“ Он дал телефон. Иванцов звонит: „Слушай“, говорит, „поехали.“ Я говорю: „А как ты меня?“ Говорит: „Я тебя как хочешь возьму.“ Я говорю: „Ну, смотри: Что у тебя есть?“ – „Ну, есть“,

⁶ Mosmetrostoi - Mit dem U-Bahnbau in Moskau befasste Bauorganisation

говорит, „вот начальник планового отдела.“ А я был уже, я был уже, значит, когда Минсельстрой, этот трест, я ушёл по заявлению, то, Министр, ээ, ээ, сельского строительства, Кощеев, сказал: „Не уйдёшь!“ А я говорю: „Нет, уйду.“ Я записа... написал заявление, как полагалось, отработал две недели и ушёл. А он вызвал своего юриста, а юрист мне, знакомый мне был. А тот юрист говорит: „Николай Васильевич, всё, железно, ничего не сделаешь. Всё“, говорит, „все законы он вот выдержал, всё.“ А вот он, с женой я был, и он встретил в магазине её. Он говорит: „Он бежал“, говорит, да. И я ушёл в энергетику, высоковольтные линии электропередач, начальником планового отдела, то есть, ээ, произво... так, отдела труда и зарплаты треста. И там проработал семь лет.

И в ш... ээ, в, ээ, 75-ом, вот это, поехал туда, к Иванцову, начальником планового отдела треста. Трест большой. В то время считалось за 20 миллионов первой группы, а он 80 миллионов имел, трест, объём. Страшные объёмы. И там я проработал два года, и, и там меня приняли в партию. [смеётся] Вот, как ни, ни странно. Ну, приняли меня там в партию, значит, да. А откуда мне дали рекомендацию, в том числе и секретарь бывший, значит, Жуков. Ээ, в... начальник отдела кадров треста был. Это назывался Западэлектросельстрой. Кстати он сейчас находится вот на, ээ, этом самом, на кольцо. Они переехали сюда, знали этот (построй ?) проект. Вот, значит, и он мне дал рекомендацию и сказал, что, говорит: „В Минске бесполезно“, говорит, да. И дал рекомендацию, и дали ещё двое. И я в... в... въехал там, и там приняли. Правда, секретарь райкома, спрашивает этот второй секретарь, который занимается приёмом, а приёмом уже занялся, был Тындатрансстрой, секретарь партбюро у нас – немец, немец сам. Фаст (Пёд ?) Генрихович. И он, ну, он знал мои дела, а знал прохождение и всё, да. И он конечно поспособствовал, чтобы ... Да. И вот, ээ, этот секретарь первый, Саулков, спрашивает, а он на правах обкома, тындатрансстрой... тындинский секретарь райкома, а говорит: „А как вы проверку“, говорит, „по всем линиям, КГБ, МВД, Советская власть, партийная власть, всё, прошёл?“ [смеётся]

– „Товарищ, я ...“ Комедия настоящая. И вот, и он говорит: „Принимаем, но ты из Ты... из этого, из Тынды не уедешь, будешь работать здесь.“ Ну а что мне оставалось.

У меня жена работала в то время заместителем управляющего Минской областной конторы Стройбанка, здесь в Минске. А ехать она не может: Дети, всё, и тёща ещё была жива, ей девяносто лет было, аа, да. Ну, я пошёл к Педро. А этого самого Фаста избрали вторым секретарём райкома, как раз удачно, да. Я пришёл к нему и говорю: „Вот так и так“, говорю, „слушай, я уеду на БАМ, тоже, белорусская автомагистраль, вот бетонка, которую строили мы, бетонка, ээ, значит, Москва-Минск, ээ, этот самый, Брест-Варшава.“ Я говорю: „То же самое БАМ.“ Он говорит: „Ты слушай: Так, а как?“ Я говорю: „Я подкараулю.“ Он говорит: „Да, знаешь что, через две недели уедет Саулков в отпуск, [смеётся] вот“, говорит, „тогда и оформим. А у тебя“, говорит, „в министерстве.“ Я говорю: „Да, а у меня там Тимофеев Женя, мой друг, он“, говорю, „всё оформит.“ Он, правда он позвонил. А заместитель остался при этом начальником главка. Они переехали на БАМ, на БАМе уже были. А этот, ээ, значит, начальник главка Мохортов. К... Костя – тоже мой тёска. Да, Мохортов уехал в Германию за машинами, магирусы, в ГДР. „И вот как раз удачно“, я говорю, „как раз удачно.“ И вот этот самый, ээ, Левину звонит Тимофеев и говорит, что: „Слушай, сделай ...“, говорит, „переведи этого, тоже на БАМ, ну, но обратно домой“, говорит, „что он там будет там кататься без семьи и так далее.“ А они говорят: „А мы им ... Мы ей обещали, жене заместителя управляющего там, в Тынде.“ Ну, так получилось, не поехала там жена. Так вот он говорит, да: „Да, а отдел кадров?“ Я пришёл к нему. Он говорит: „Не, что“, говорит, „никаких вопросов, что ты. Ни... никакой поездки, да.“ Я иду к Левину этому и говорю ему: „Вот, так и так.“ Он вызывает, при мне вызывает отдел кадров и говорит: „Слушай, ты мне, чтобы завтра написал приказ о переводе его в этот, в трест в Белорус... ээ, Белдорстрой, Министерство транспортного строительства. Всё“, говорит, „нашего же министерства, и“, говорит, что „по переводу, чтобы“, говорит, „с него ни волос не упал“, [смеётся] говорит. На второй

день я получил приказ, да, приказ, значит, подписанный Левином. Пришёл к с... с ним к Фасту. Он говорит: „Ну, давай“, говорит. Раз такое дело, он меня снимает с партучёта, да. Так я ещё взял, пару там ящиков выбирали, пару ящиков коньяка. А управляющий тоже был, Волковицкий, хороший парень такой. Он же говорит: „Дай Бог“, он мне отдаёт машину до С... С... Волк... до Сквородино в Азии. Я еду, сажусь там, понимаешь, и – домой. Вот так, приехал и в этот трест. А в тресте управляющий уже, значит, ээ, этот Юшков, герой соцтруда. Вот, он был на Севере, вернее на нефтяных промыслах, а тут сюда переех... перевели его. Ну, он с ЦК вот так был, с ЦК Белоруссии, [смеётся] и как-то одного начальника снимает с работы райком, Ленинский райком партии, наш райком, говорит, что: „Будем разбираться, у него нет выполнения плана, значит, да.“ А по постановлению об этой дороге, там сказано, что надо выполнять четыре: ввод в действие объектов или пуск... пусковых, да, и выполне... ээ, да, ввод в действие, прибыль и производ... произ... производительность труда. А эти три показателя он выполнял. А они говоря... „Его рассматривать.“ Я пришёл, за... знакомый так, пришёл, потому что я был зам секретаря партбюро треста. Прихожу к нему, заведующему отдела нашего, и говорю: „Вот так и так“, говорю, вот да. А он, Юшков, пришёл, ругается, говорит: „Этот Ковалёв, первый секретарь райкома“, говорит, „такой дуб, что ничего ...“ [смеётся] Я говорю: „Да не обращай внимания. Давай я пойду.“ А он говорит: „Давай, иди.“ А они меня перевели сюда на должность главного экономиста треста. Ну, по существу это заместитель по экономическим вопросам треста управляющего. Я говорю: „Давай я пойду. Я же зам секретаря“, говорю. „Давай, иди.“ Я пришёл. Я говорю этому заведующему отдела, говорю: „Вот так и так, вот есть, вот моё постановление, [удар рукой о стол] где написано чёрным по белому, что выполнять. А план, это ничего не значит. Плана нет.“ Он почитал, почитал два раза: „Ёлки-моталки, да“, говорит, „правильно.“ Заходит Ковалёв туда: „А что такое, что у тебя?“ Я говорю ... Он говорит: „Оо, вот“, говорит, „зам секретаря партбюро треста Белдорстрой, вот он“, говорит, „ставит вопрос,

что мы считаем рассматривать начальника СУ940.“ А строили аэропорт Минск-2, мы строили. Вот говорит, ээ, чтобы ... А он, говорит, он, говорит, что: „Неправильно, вот какие показатели только должны выполняться, а он их выполняет. Как е... как снимать?“ Он почитал, почитал тоже. Он же был экономист, ээ, этот самый, кандидат экономических наук, Ковалёв-то. И говорит мне: „Вот знаете, что, оставьте у нас это постановление.“ – „Ну, хорошо.“ – „А если мы всё-таки будем рассматривать и снимем?“ Я говорю: „Я пойду в ЦК с этими бумагами.“ – [смеётся] „Ладно, ладно, оставь, через три дня мы сами привезём.“ И привезли мне постановление. И после этого этот начальник уже не выпол... другой раз не выполнял каких-нибудь показателей, по производительности или прибыли, никто его не трогал. Никаких [смеётся] разговоров не было. Я с... Я з... А Юшков смеётся и говорит: „Ну, и здорово ты поработал! Видишь“, говорит, „как? Аа, а тут ...“ Вот такие были дела. Потом я ушёл на пенсию в 65-ом году. Это вся, значит, да, в 65-ом году. Кстати, я не сказал ... Да, рос... в 65-ом году на пенсию, и перешёл мастером на строительство дороги, ещё пять лет проработал мастером в этом же тресте. Потом трест ушёл, в Смоленск, совсем из Белоруссии. Его сюда ведь убрали. И, значит, ээ, да, ээм, дальше я вот так, ээ, да, значит, а дальше получилось, что я в 90-ом году ушёл из мастеров. Ушёл в 940СУ, в строительное управление, и, ээ, проработал ещё в „Константе“ тут один год, там меньше да было года. Такая фирма была, строительная фирма тоже, и здесь. Потом перешёл к своему зятю, вот что я говорю, этот, и говорю, ээ, да, [вздых] вот ... <>

АД: До 96-го года Вы проработали ещё бухгалтером.

КА: Угу, угу. Дворцовой, Игорь, он, этот самый, он держал вот эти фуры, что я говорил о фурах, да. И, значит, я у него проработал. А потом ушёл вообще, сказал: „Хватит.“ Начала голова трещать с этой бухгалтерией, всё. И ушёл с... совсем. Ушёл, больше не работает, вот с 96-го года не работаю.

Кстати, мой брат, тот который в Де... в Стасях, инвалид войны первой группы, умер в девяносто ш... в феврале пе... 96-го года умер. А, значит, ээ, с отцом получилось так: Значит, отец был отправлен в Мамадыш Татарской ССР, город Мамадыш Татарской ССР, и там он был в тюрьме. И, значит, ээ, ув... Опять, опять я использовал, собственно я использовал, что я знал, где брат и сестра, вот и начал переписку с ними. А потом, значит, вот использовал что, и что мой, этот самый, да ... Собственно всё вроде ... Что я хотел сказать? Ну замкнулося, вот ... А, с отцом, с отцом. Отец в Мамадыше вот был и там был ещё второй чех по-национальности, ээ, учитель, который был в Диканьке, учительствовал, его тоже арестовали как иностранца, значит, да: Шило такой – фамилия Шило. И он приех... да, и он прислал письмо из Казани, значит, жене отца. Отец уже был женат на другой женщине, такая была Софья Романовна, да, которая, значит, жила в Диканьке, Гэтте – фамилия её. Хорошая женщина. Я приезжал к ней, как домой, хотя и у меня мама отлично и всё. А приезжал к ней, она ходила: „Костик, Костик, что надо, что ...“ Да, да, так, хорошая женщина, да. И ей прислал письмо-треугольник, он у меня есть здесь, треугольник-письмо, что они были вместе с отцом там в Мамадыше. Ээ, значит, а потом, говорит, его отправили в, ээ, в Казань, Шило, а отец остался, и, говорит, он был на лесоразработке, потому что там лучше кормят, вот. Вот такое. И я тогда написал в это, в МВД Татарской ССР. И они мне ответили, что да, до ноября 42-го года был отец, значит, всё. Ну, в, в это самое, ээ, в декабре были, в ф... в ф... это в ноябре там 42-го года была комиссия, где определили, что доказательств его вины нет, поэтому его выпустили. А куда он девался за давностью времени, неизвестно. Я, будучи в командировке на камазе от энергетика, от Министерства энергетики, проехал Мамадыш, сфотографировал тот дом, где была тюрьма, мне показали. И оказывается, это один-единственный, ээ, трёхэтажный или четырёхэтаж... трёхэтажный, по-моему, дом, который был в этом Мамадыше: Это была тюрьма. [смеётся] Один-единственный, сколько этажей имеет – три этажа: Значит, эта была тюрьма, вот так. Ну, и потом познакоми... ээ,

нашёл по сведениям, ээ, женщин там спрашивал-то: Они мне рассказали, что была секретарь такая тюрьмы, и её муж – этот самый, охранник. Я приехал, их расспросил, они говорят, ну, может быть кривят душой, но, они говорят: „Не знаем, куда девался.“ Я еду в Казань в МВД. В МВД, значит, принимает там подполковник. Иду к нему и говорю: „Вот так и так.“ Вот такие сведения показываю ему, что: „Я получил письмо вот, да из Тат... с МВД ваше...“ – „Да“, говорит, „такое письмо было, но“, говорит, „мы не можем ничего сделать. Ни в чём вам помочь не можем, так как время ушло и“, говорит, „мы все архивы отправили в Москву.“ Вот с чем я, значит, с отцом. Приезжаю домой, полу... получаю, приезжаю в отпуск к брату. Брат, ээ, говорит: „Что ты вот ...“ Говорю: „Вот тебе письмо“, говорю, „я был там-то, та...“, рассказываю. Он говорит: „Ээ, это враньё“, [---] мне говорит, „это враньё“, говорит. „Знаешь что, мне полтавские КГБэшники ...“ – „А почему?“, я говорю. Он говорит: „Я знаю, почему.“ Он, его, раненого брата, выносил вот здесь, в этом самом Мозыре выносил Гергель такой, ээ, как его ... Гергель, звать вот не помню. Я у него был, с братом мы ездили. Он выносил, потом стал третьем секретарем Полтавского обкома партии, представляешь? И говорит: „Ты же понимаешь, с какими я КГБэшниками знаком, полковники или (???) ...“ – „Мне всё равно“, говорит брат. И говорит: „Ког... когда они приезжают, они же у меня без остановки хлыщут этот самогон по сколько угодно“, говорит. „Они приезжают на охоту или р... рыбалку и“, говорит, „всё это, да. Они мне сказали – бросьте голову морочить. Их из Мамадыши вывезли“, говорит, „три эшелона и под Иркутском в лесу всех расстреляли. Вот“, говорит, что, „а ты ищешь.“ Вот чем кончилось.

АД: А за что Вашего отца забрали?

КА: А нет причин. Арестовали, всё. Ну, там, в районе примерно вот так шло: Разговор такой людям, а может из милиции ли, что – иностранец, иностранец, вроде не принявший подданство. Значит, по законам войны он должен изолирован быть. Такой разговор был.

Но так ли это или что, да, ээ ...

АД: А в каком году его арестовали?

КА: 41-ый.

АД: А месяц?

КА: Июнь.

АД: Июнь 41-го. Это в начале войны?

КА: В начале войны.

АД: А Ваш отец, он ... Его родители сами из Чехии?

КА: Да.

АД: Да?

КА: Да.

АД: А в каком году они приехали в, в Украину или ...

КА: Он один, он один.

АД: Один был.

КА: Он же был в корпусе чешском. В чешском корпусе он был, так? Но он что-то не помирился, не знаю с чем, и потом перешёл вот именно в эти самые, ЧК.⁷ И в ЧК он, ээ, убил одного Харламова, который руководил бандой, которые груди вырезали женщинам в селе, там же, в нашем селе. А ходил он бриться к отцу, потому что у отца была только бритва, значит, да, этот Харламов. Ну, отец, он

⁷ Tscheka - Bezeichnung für die sowjetische Geheimpolizei

бежал, и, значит, ээ, в... и, это самое, прыгнул в сугроб, там обрыв такой и сугроб, зимой. Я не знаю, как: Он выстрелил, что ли, отец на выстрел выстрелил тоже и попал в него. И в Полтаве, значит, там, значит, сразу же, мол: „Ты убил нарочно руководителя такой банды, а мы его хотели живым взять.“ Отец, говорит, тогда тихонько взял их удостоверения, положил, говорит, и ушёл, не сказав ни слова. И после этого он ... Всё, больше, это, никаких, да. Вот стал тогда, ээ, это, поступ... ээ, пошёл кассиром МТС в Пол... в Диканьку. С Стасьи там семь километров, от Стасьи до Диканьки. Вот такие, такие аферы, значит, с отцом. Правда, слухи такие были, что он якобы вернулся, ээ, в Чехию, отец, что якобы вернулся в Чехию. И ещё больше, что вроде служил он где-то, у... участвовал в военных действиях и перешёл и остался в Чехии. Такой разговор. Мне-то можно было остаться, вполне. Я мог бы конечно остаться. Так вот такие слухи были. Ну, у меня прислали с Красного креста с Праги, прислали родословную отца. И вот в этой родословной описывается, значит ... Родословная, если бы он вернулся, то это бы Красный крест знал, и они бы сообщили. Всё это, конечно, липа.

АД: А Вы сказали, Ваш отец был в чешском корпусе. Что это за корпус? Что он?

КА: А помните, если из истории Вы что-нибудь встречали: Ээ, то есть, Чапаев воевал с этим корпусом. Понимаете, он был на стороне Красных, а потом перешёл на сторону Колчака. И он же тогда, когда Колчака разбило, то этот корпус ушёл на Восток, дальше. И он, через Владивосток толко уплыли в Чехию, корпус. Ну, я думаю так, что видимо отец хотел бы переезжать в Чехию с семьёй, но, видимо, он что-то побаивался, что его могут посадить.

АД: Где посадить?

КА: В Чехии. В Чехии, когда он вернулся бы.

АД: Это получается, значит, во время гражданской войны остался на

Украине?

КА: Да, да, да, да.

АД: А больше из родственников его никто не остался?

КА: Нет.

АД: Он один был.

КА: Нет, он один ... Ну, он один не был. Он был призван в армию, и пое... по... был в корпусе этом. И вот, значит, с этим корпусом да был. В Полтаве стоял корпус этот. Он остался, говорит, остался, познакомился с мамой и остался с ней. Даже эти вот, этот Харламов, говорит, что приходил один раз, чтобы убить и отца, и её наверное, может и детей, нас там, кого. Я не знаю, меня ещё наверное не было. Но, значит, он, отец, специально к соседу во двор, а у соседа конюшня была. И стояли там лошади, и в том числе отца лошадь. И он через крышу чердака проходил туда, и, значит, мог на лошадь и драпать, так. Так, собственно, нельзя было. Когда они пришли, убили овчарку, которая была у отца. И мать хотела дверь открыть. Ээ, ну, они постучали там, значит. А овчарка-то запищала наверное и перестала, мать, может, и не поняла, в чём дело, хотела открыть. А он крикнул: „Марфа, немедленно, ни в коем случае! Ты что, это банда“, говорит. И значит, ээ, сразу через чердак этот, на лошадь и в район, туда в Диканьку. Оттуда приехали эти, значит, чекисты. Ну, уже, как говорят, ээ, банду заш... Они уже расправились-то. Мы же жили в деревне, так. Они же рас... Как? Ночью орудуют, а днём вроде как граждане. Вот такая ... Было такое, да. Вот мама мне уже рассказывала тогда, что так-так.

АД: А какие у Вас воспоминания остались об отце, каким Вы его запомнили?

КА: Значит, так: Когда я ехал в 40-ом году в ФЗО, я, он ... Я часто у него был. Часто ходил пешком, вообще семь километров. То он, значит, он ... Заходил я к нему, как правило, когда иду обратно домой, это я к Софьи Романовне. Она меня там накормит, даст на дорогу, всё (???) домой, и, значит, я захожу к нему. Он меня угощал сыром голландским, он любил это. Но это, видишь, он даже дома делал. Мать говорит, делал тот сыр сам. Так, ээ, он мне давал этот сыр, а я его бросал в став, пивоваренный там называется став, который я иду домой через этот став, возле става. Ст... став, а он такой, что будет всё видно: Видно было рыбу бы, видно было ... Ээ, значит, в ставе. А я ещё ... Ну, как говорят, там такое дерево было, и там прибита доска, и с него прыгали, прыгали, да, в воду. И вот когда залезешь и смотришь, что там карпы эти ходят, такие, такие крупнейшие ходят. Видно прямо, всё видно, да. Так я в этот став забрасывал этот сыр. Его не есть, этот. [смеётся] А уже потом, когда вот в этом, ээ, когда взрывник этот пр... приносил бутерброды с кусочками, ленточкой такой сыр, то уже я привык. Ш... ш... это ... [смеётся] Ну, как говорится, голод заставит, это естественно и поговорка. А он меня последний раз, когда я ехал в Донбасс, он сказал, что: „Может, сынок, мы и не встретимся больше.“ Чувствок.

АД: А кто он по профессии был? У него какая профессия была?

КА: Он ... [вздых] Вы знаете, честно говоря, я даже не знаю, какая его профессия была. Но он грамотный был. Это одно я знаю, что он грамотный был. Ну, он отдал лошадь, ээ, в это само... в колхоз отдал лошадь. То его звали, эту лошадь ... А эта лошадь, мама говорит, что он, говорит, его купил лошёнком. А когда ему, говорит, было уже два года, так он, говорит, если да рассердится, так берёт за передние, говорит, ноги, валяет это, был лошадка здоровый да как был это, эт... да. И говорит, значит, что его потом звали в колхозе, Адамец лошадь эту звали. Значит, бригадир там или руководство колхоза, если дать кого привезти там сена или что-то другое там привезти даже, давали этого Адамца. Они знали,

что он выходит за ворота, сто метров, говорит, проходит, потом резко, говорит, крут... крут... об... поварачивается и эту женщину, говорит, с повозкой оц... в конюшню завозит. И дальше, говорит, ты его убей, никуда не пойдёт. Вот такой был лошадь. Я его и видел несколько раз.

АД: А Ваш отец был верующий человек?

КА: Нем... немцы наверное его с... или куда-то взяли, вот это, уже после немцев уже не было его. Отец, вот я Вам скажу, что: Он, по-моему, был католик, естественно. И, наверно верил, наверно верил. Ну, что я знаю, что советской власти он не верил. [---] Он вот прошёл это, прошёл когда его ... И он понял, что это не та власть. Он уже, да, видимо ... Я так понимаю, что ... Да. Ну, естественно, что была зацепка, ну, может быть он и разговор какой... Он, он здорово любил играть в волейбол, это его был конёк. Он был, в этой самой, ээ, в команде, в диканьской команде волейболистов, да. Так вот, здоровый он был, да. В 53 года [---] не стало.

АД: А что Вы помните о Вашей матери?

КА: Мама – это был человек, вообще удивительной конечно натуры, да. Она, как говорит, как говорим мы – настоящая мать. Я её возил, возил ... В Оренбурге она была у меня, в Харькове была, но вот только что, что, конечно, не получилось, чтобы она осталась в Оренбурге до конца. Она уехала, не захотела. Когда мы получили квартиру, и тёща была. Тёща – о! Понимаете? А мать совсем мягкая. Она не выдержала её натиска, уехала домой. И в 64-ом году на 66-ом году жизни скончалась в декабре, 12-го декабря. Ну, что к сожалению, что я и тут, как говорится, судьба есть судьба, и тут я приехал, брат сообщил это в декабре. Это можно, может быть было и по, по ночь подождать, не хоронить, а он схоронил. Но, резкий был тоже брат Славка, Вячеслав. Ээ, значит, я приехал уже ... Сабор... самолётом (решал ?) ничего. Как добрался до Киева? Автобусом с Минска, Минск-Киев. Потом на втором автобусе

Киев-К... Думал, на самолёте, и самолёты не летят – такая погода, что туман страшный был. И, и он ... Мне единственное, что, что, значит, автобус всё-таки, где билетов не было, они мне дали бил... дали билет. И я приехал вот ... П... ээ, да, с Полтавы такси приехал туда, и единственное, что ... Пошёл, я уже знал, я звонил из Киева, сказали, что похоронили, и, и я пришёл на могилу, в общем, чепуха, и на чужой могиле плакал. [плачет] Не знал, что, какая. А сырая, сырая земля, толко пор... там видимо и её м... похоронили и кого-то ещё. А я думал, что она её могила. А она первая умерла, в 64-ом. А потом уже, ээ, в каком ... Где-то в семьдесят каком-то году умерла мать жены брата Надя. Надя тоже бедная, хорошая женщина такая. Так вот, значит, а потом уже умерл... умер брат в 96-ом году в феврале-месяце, 16-го февраля, Славка.

АД: А Ваша мать, а ... У неё было, какое образование было? Вы помните это?

КА: Никакого.

АД: А кем она работала?

КА: Ну, по-моему, было там два или три, ч... или четыре, может, класса, может, было что-то. Ну, в общем она была привезена из Харьковской области, значит, из района, где свирепствовала оспа. Её родители умерли с оспы. И у неё оспа была. Её привезли возрастом четыре годика, и когда везли зимой в санках, потеряли по дороге. Мать, представляете, выпала из санок. Потом возвращались, нашли. И она у этой самой помещицы выросла и работала поваром, а потом в колхозе в бригаде этих с... трактористов. Как правило у нас там (компанировала ?) трактористов, а всё время ... Да, да. Готовила пищу. Так, всё время в колхозе.

АД: Ээ, значит, она работала поваром, да ?

КА: Поваром работала.

АД: А была она верующая? Вы помните об этом?

КА: Была верующая, да. Ну, у неё ж вера – наша вера. Да, такая, была верующая, да. Ходила в церковь. Ну, церковь, какая там церковь, церковь в Стасях. Загорел церковь, сожгли.

АД: А кто сжёг?

КА: Да, Бог это ... Таких, которые были. Может быть, и нарочно, может быть, случайно.

АД: А Вы помните, у Вас в доме – мать, отец, кто принимал решения, если Вы помните? Кто может, мог сказать вот, вот ...

КА: Отец принимал решения, отец принимал, да. Мама, была мама однолюб, она любила его естественно, а тем более вышла замуж с ребёнком. Это конечно, да. Он приезжал одно (???), он даже развод никакой не делал, ничего. У него появился сын с Софьей Романовной этой, сын Витя, хороший парень, где-то в 53-ем, по моему, или в 54-ом. Я ... Он ... Я был, и, значит, с ним. Они меня ещё провожали, он и дочь сестры Софьи Романовны вдвоём и ещё они (???) до Диканьского леса провожали меня. Я ха... как раз пешком проходил, вот. А потом случилось страшное: [---] Эта Софья и сама кончилась потом не так да... долго ждала, и его ум... да. Копала огород и нашла гранату-лимонку, и поставила в развилку сливы с тем, чтобы потом отнести в милицию. И забыла. А он ходил и нашёл её. И с ребятами пошёл к церкви, в Диканьке церковь там была на, на борт... да, на окраине. Пошёл к церкви и начал разбирать её, ну, естественно, камнем и так далее. Она взорвалась, и всё.

АД: А кто это? Это он – её сын?

КА: Е... её сын и отца сын, а мой брат. Так вот не стало Толика, и единственное, что Софья попросила меня, письмо написала, попросила мне, мы переписку вели, что: „Сфотографируй его могилу и пришли мне.“ Вот там металлический с... крест, по-моему, или кр... по-моему, со звёздочкой, не крест, по-моему, тумбочка. Тумбочка со звёздочкой. Я сфотографировал и прислал ей. Прислал, значит, фотокарточку. Она не могла в Диканьку возвращаться. Очень [---] печальный рассказ и очень печальные вещи, да. Ничего не сделаешь.

АД: А Константин Войтович, а к кому у Вас из родственников, может, было особое отношение? С кем Вы могли вот так поговорить? Может, отец был более строже, а мать ... Или Вам было без разницы?

КА: Нет. С отцом я меньше. С матерью, с матерью больше общался. Хотя я любил отца, и естественно ... Но отец как-то мало был, мало. А я, сказать что, мне говорят, что я был вот маленьким. Ну так сказать маленьким, вот таким, может, лет восемь, девять, уже в школу ходил. Говорит, отец приезжает, привозит конфеты, там что, а я уже сплю. И говорит: „Хоть посади тебя – всё равно спишь.“ И так, говорит, до утра, бесполезно, [---] не мог проснуться. А вот брат Володик, Володик, этот был, всё время возил, ээ, горючее к тракторам. Мать же была поваром, а он, говорит, возил горючее к тракторам, всё. И вот, когда немцы подступали, то красноармейцы его взяли возить оружие там, значит, боеприпасы и так далее. И он под Харьков возил, он сделал три рейса и они говорят: „Ну, хватит, Володя, теперь ты служить будешь в армии.“ Ну что, если уже его же был призывной, 20-го года. И он же мог идти в армию вполне. Говорит, что 41-ый год. Так он говорит: „Ладно.“ Говорит: „Проходит день, я сижу там.“ Он такой не, неразговорчив был. „Проходит день, я же ж, я же ж сижу. На второй день приходит“, говорит, „капитан и говорит: `Володя, езжай домой.` Он сказал, что зят... от... отцеш... что отец ре... арестован.“ Всё, они не взяли. Никто не взял на себя

ответственность, так сказать. Знаете, как (???), что. Вот так. И так он остался, да, да. А я ездил с трудом в 80-ом году к нему по вызову. В 80-ые же годы ещё по совету всё. Он жил, он жил, но умер. Ээ, значит, Торонто, самый большой город в Канаде, Торонто, Онтарио. У него был там была, ээ, был домик свой, у него сын был – Славик, Вячеслав, и живёт сейчас там, жена, с которой я учился в школе. (???) Сухая Верка. [смеётся] Знаете, как Волод... И вот, и там я приехал в 80-ом году, летел с одной женщиной до Монреаля, так она говорит: „Я десять лет, каждый год“, говорит она, „присылают мне вызов. Не пускают и всё.“ В деревне, в селе жила женщина, всё. А я написал здесь в Минске, заполнил эту анкету, всё. А (???) спрашиваю: „Когда решение?“ – „Через полтора месяца.“ Ладно, проходит полтора месяца, прихожу, говорю: „Полтора месяца кончилось.“ Но, ещё после, ээ ... „Извините, не успеваем, много работы и так далее, ещё недельку.“ Я говорю: „Ну, недельку, почему ... Что же делать, что сделаешь?“ Правда, через неделю они сами звонят: „Приходите, получайте паспорт.“ Прошёл, получил паспорт я. И, ээ, сказал мне этот старший лейтенант, капитан, по-моему, сказал, что: „Может быть, там вы заметите какие-нибудь строительства атомных объектов, так приедете и скажете.“ Приехал я, вызвал меня. Правда, ни... ни... никуда, на улице, там я жил в то время, на Кузьмы Чёрного. Мы, ээ, жене дали квартиру, были ... Это мы с Оренбурга обменялись квартирами. Это единственный случай, говорят, был: Минск на Оренбург. И вот, и пьяница был. Он к Оренбургу (???) был, ээ, так вот. А потом жене дали на Якуба Коласа, ээ, против филармонии: Банковский дом, Вы знаете этот дом наверное, нет? Банк, там сейчас банк, Промстройбанк, вот белорусский, республиканский. Областная контора там, потом она же был ... Да, мы же на пятом этаже жили. Потом они выселили всех оттуда. Вот дали на Кузьмы Чёрного. А с Кузьмы Чёрного, там четырёхкомнатная квартира была, тоже, ээ, ээ, жить обком был, исполкома была квартира, облисполкома. И, значит, ээ, жили, тоже вызывали в обком партии и нагоняй там, как это, значит, да: „Квартира, значит, так, получай там и так далее.“ А управляющие треста даже с работы собирались и с

партии там. В общем, в общем целая разваруха там с этим домом. Он дом хороший, ч... кирпичный дом, девятиэтажная коробочка по две семьи на этаже, как правило такое – две квартиры на этаже. Но, у нас получилось, что старшая дочь, ээ, замуж выходила, и мы вынуждены были обменять вот с теми на эту. И на втором этаже, есть и седьмая квартира двухкомнатная занял вот этого, дочь старшая Оля заняла, значит, эту ква... ту квартиру, а мы – вот эту с женой и ещё Инна была, меньшая дочь. Он там, её портрет, может, посмотри... Да, она сейчас занимается ... Она была главным бухгалтером. Она кончила Нархоз здесь и была главным бухгалтером в этом, объединении „Амкодор“, а теперь ушла и работает директором центра „Око“. Это па площади тако... этого, так я запо... да, на площади против ЦУМа. Прямо против ЦУМа они ... Ээ, там заводское помещение, внизу там парикмахерская и, и их этот цен... у них вон написано, „центр“. И передают, другой раз по НТВ передают их, что, вот, лечение какое? Оч... очковое, да, очки.

АД: А Вы говорили, ээ, про брата в Торонто, да?

КА: Вовочка, брат.

АД: А как он туда попал?

КА: Он был увезен с сестрой из Ди... из Стаси увезен в Австрию немцами. В Австрии и их освободили американцы, по-моему, или англичане, ну в общем освободили американцы, по-моему, да. И они уехали по... как я говорю, там вербовали, и они уехали, ээ, в Бразилию, в Сан-Пауло. Потом связались с сестрой, и через время, не знаю, сколько, они уже там хорошо в Бразилии ... Вроде дом их, свой, был. И из Бразилии они переехали в Нью-Йорк. И попали как раз, что сын Вячеслав 50-го года рождения попадает на призыв, в Нью-Йорке на призыв в Вьетнам. [смеётся] Понимаешь? Те. А они быстро оформ... По ... У них друг был в Канадии, тут в Торонто, они с ним связываются, быстро оформляют, значит, переезд в Торонто.

И переехали в Торонто из-за этого, что в Торонто платная армия, там при... призыва нет.

АД: А Вы можете вспомнить, Ваши дедушка, бабушка по матери или по отцу жили с Вами в Диканьке?

КА: Нет, нет. По ... Не, по матери ... У матери же, понимаете, оспа, она, мать ...

АД: Да.

КА: Мать с оспой, они поумерли, а мать одна была. Никого нет. Не знаю никаких ... У отца – то же в Чехии, да, что мать его, по-моему, умерла ещё до войны, потому что она, говорит, упала или с черешни или с какого-то дерева, н... ну, фруктового дерева. Да, упала и её нет уже. А отец Карл был жив до войны, но после войны уже всё от... Только сестра и брат его был. Брат – Карл тоже, брат, а сестра – Мария. Фотокарточки есть у меня.

АД: А Вы потом переписывались, или как контакт поддерживали с ...

КА: Не.

АД: Нет?

КА: Ну, я ... Понимаете, вот был контакт, когда брат Славка получил от неё письмо, от Марии.

АД: Это тот, который в Канаде был?

КА: Не, тот, что был в Стасях.

АД: Аа, в Стасях. Инвалид.

КА: Инвалид без ноги, да, вот этот. Но он же был член партии, всё,

значит, его не хватило чтобы сориентироваться, ну пусть бы. Я его спрашивал: „Где может быть адрес?“ – „Не знаю, выкинул наверное“, да, и всё. Я бы конечно переписку вёл.

АД: А, значит, у Вас был один брат Вячеслав в Стасях?

КА: Угу...

АД: И, ээ, ш... расскажите о нём. Что, во время войны он где был? В оккупации, его не вывозили немцы на работу?

КА: Он не был в оккупации.

АД: Он воевал и после войны ...

КА: Он сделал 27 рейсов Москва-Питер, дорога жизни или смерти, как её называли. Он рассказывал, что, говорит: „Вот везу туда снаряды, там продукты, что“, говорит, „везу. На язах ходили. Ходили“, говорит, ну, сколько там, „10-15 машин на“, как говорит, „её“, значит, по этой, да, „по Ладожскому озеру зимой“, так говорит, „а немцы дальнобойными“, говорит, „обстреливают. И вот“, говорит, „попала, допустим, воронка, а весной уже начала вода на... наверх и не видно воронки.“ И говорит: „Раз, машина ушла под воду.“ Говорит: „Останавливаемся, жребий тащим, кто первым будет ехать, так как ...“ А говорит: „Везу, одиннадцать лет ребёнок“, говорит, „он меня за шуб...“ и говорит, „под шубой тут“, говорит. „А он как маленький“, говорит, „разговаривает хорошо, всё“, говорит, „маленький такой“, говорит. Вывозили оттуда стариков, детей из Питера обратным рейсом. Вот так, а потом вот это уже на ... Ну, как говорили, какой тут вот был, как назывался этот фронт, ну, ээ, Операция Багратион, по-моему, во... вот он участвовал в этой операции Багратион на катюшах.

АД: А после войны?

КА: После войны он поехал и там же в Стасях всё время, никуда.

АД: А кем он работал?

КА: Секретарем сельсовета. Потом был счетоводом в этом, в школе. Там был директор в школе, тоже участник, ээ, да. Он, ээ, матрос, военный офицер (???) был в Морфлоте. И, значит, они хорошие были друзья. И, значит, он взял его счетоводом, вот вести дела школы, да. И он так работал. Потом, по-моему уже, ну последние этого, 96-ой, ну, где-то до 90-го года, может, ещё работал. И он потом уже не стал, не работал там. Немножко раньше наверное ушёл. Он, да ... Да, помню, что я даже ... Да, раньше ушёл, вот. У него тоже семь классов образования и всё.

АД: Ну, это по тем временам не так уже плохо было.

КА: Да, по тем временам, да. Семь классов, да. [смеётся] Ещё эпизод такой чудной: Иду я в школу, а он уже со школы. А я наверное во втором классе, по-моему, да. А он с той, с той стороны идёт. Он уже в седьмом, по-моему. Он, значит, на, на курок пистолета нажимает, на меня, да. А потом я пришёл, говорил: „Мама, Славка“, говорю, „с пистолетом.“ – „Где он его взял?“ – „Да, не знаю.“ В общем, приходит милиция и забирает его этот пистолет. [смеётся] Мы смеялись, смех и грех. А они с... дружили очень с одним – Луценко Иван. Этот – его закадычный друг. И приезжал, когда я ... Он на Финской был ранен и получил Орден красного знамени, и приехал, ээ, в кителе, белый кител, брюки, такой красивый, значит, форма. А мы кончили школу, семилетку, и он был на выпускном вечере семилетки, ээ, Иван этот, значит, да. И смеялись от души, как он, этого, он был, по-моему, старший лейтенант тогда, и, значит, смеялись, как они со Славкой, ээ, такая была Бубнова, преподавала, русский язык, и он ... И это, значит, и держала козу. Я, значит, ээ ... Они, ну учудили, это же пацаны, чёрт их знает, взяли на школу, затащили, эту козу привязали к дымоходу. А она слышит, что блеет эта коза, а не знает, где.

Бегают вокруг школы: „Катя, Катя, что с тобой?“ Они ... Ну, и вот смех этот был, смех вот такой глупый конечно, но ... Ну, что и сделаешь? Видите, вот: „Катя, Катя, что с тобой?“ Так вот смеялись мы в тот вечер, этот выпускной, смеялись: Иван этот смеялся, так что ... Да, а потом был полковником, в эту войну и погиб под Берлином где-то.

АД: Константин Войтович, а вот Вы говорили: А второй Ваш брат и сестра, они были угнаны в Германию?

КА: Да, они были угнаны в Австрию. И вот с Австрии их – кто куда. Значит, сестра, учитывая, что дочь родная, она во Францию уехала ... <>

КА: Так, можно говорить?

АД: Ээ, Вы сказали, что сестра, она хотела ... Сестра хотела уехать во Францию, чтобы лечить ...

КА: Лечить дочь.

АД: А откуда у неё дочь?

КА: Да от порока сердца. А у неё муж был.

АД: В Австрии?

КА: В Австрии, в Австрии, по меч... У неё уже второй муж. Первый был из села из нашего. Говорит, самый, ээ ... Как его? Ёлки-моталки. Каркоша Иван. Каркоша Иван, тот был, значит, да. И в Австрии они разошлись.

АД: Его тоже забрали в Германию?

КА: Да, и он, значит ... А я не помню, е... по-моему, его не забирали.

По-моему не забирали. Я помню, на свадьбе у нас в Стасях, то я не хотел идти на свадьбу. Я не хотел, чтобы она с ним встречалась. И когда они встречались, то я бросал кам... аа, грудки, знаешь, вот такие? Это з... а земля эта чёрного, чёрнозёмна на Украине. Там можно да такой: Как они встречались, сидят там на лавке, а, а я с кукурузы давай вшвыряю с этого, с наш... пулаю этими грудками на них. Он меня не любил и тому мало: Я им на свадьбу играть, что ли, говорил. Не любил страшно. Потом они разошлись, вот. Кстати, он стал полицейским там в Стасях. Так что, и они разошлись естественно. Он не поехал туда. Он где-то, говорил, скрывался. КГБэшники мне говорили, что он кривался на Донбассе под чужой фамилией. А куда девался, Бог знает.

АД: А в каком году Вашу сестру забрали?

КА: 43-ий.

АД: 43-ий, то тогда уже Вас увезли.

КА: Когда освободили, ээ, это самое, когда по... поступили в, ээ, Полтавскую область. [кашляет]

АД: И Ваш... и Вашего брата в то же, в то же время?

КА: Он же приехал, но он молчит, ничего. Что это говорим: „Ты же, ты в армию собирался.“ – „Га! Не взяли, и всё“, говорит, что ничего его не ...

АД: А откуда Вы узнали, что их в Австрию забрали?

КА: А это же дома, я же уже был дома. Я ш... ездил в отпуск, в это, сорок, 48-ом году. Я в отпуск ездил в 48-ом, в марте, и мне сказали, что их забрали.

АД: Сказали, что их тоже забрали, да?

Zwangsarbeit 1939-1945

TRANSKRIPT: Adamez, Konstantin Wojtowitsch (Archiv-ID ZA001)

КА: Да, их забрали. А в Австрии – это уже переписка с братом. Он, Володька, писал, что они попали в Австрию, потом Мария – в Париж. А они в это самое, как его, в Бразилию, в Сан-Пауло.

АД: А когда это он писал, в каком году?

КА: Это было в пятьдесят... так, в пятьдесят...

АД: В 50-ых годах.

КА: В 50-ые, в 56-ой или восьмой, по-моему вот так (???)

АД: А они поехали туда из-за того, что были проблемы с ребёнком были, Вашей сестры?

КА: Да, да, сестра именно за проблема, да.

АД: А ...

КА: А он был военнопленный, не привы... не знаю, не, даже нет, по-моему не военнопленный. Он, это ... Его Фамилия – Водолажский. Так, я был у него дома. Они, ээ, Купянский район, Харьковской области Купянский район, в районе жили. Я ездил, как-то зимой ходил. Даже пешком далеко к ним. Сестра его жила там. А вот сейчас никаких переписок.

АД: А сестра Ваша в Австрии вышла замуж ещё за кого-то?

КА: Да.

АД: А за кого?

КА: Это Водолажского.

АД: Ага...

КА: Вот этого же Фёдора. Фёдор Иванович Водолажский. Он, ээ, женился на сестре. Их ...

АД: А в каком это году было?

КА: А от е... от того Каркоши, видишь, детей вроде или был ребёнок, говорят, умер, и что больше (???) ...

АД: [одновременно] А в каком году она в Австрии вышла замуж?

КА: Ну, это, по-моему, 43-ий или 44-ый год был.

АД: Когда работала там у бауэра?

КА: Да, да. Не, они где-то были, я не знаю, где в Австрии, или в лагере каком-то или что.

АД: Они не рассказывали? Ваша сестра никогда не рассказывала?

КА: Нет, никогда. А я переписывался с ней, да, но она не расска...
Кстати она, ээ ... Даже мне КГБэшники давали возможность встретиться в Чехословакии с ней, учитывая, что она не захотела ехать в Оренбург.

АД: В гости.

КА: Сестра, да, да, не захотела. Ну, я думаю, что не захотела из-за, с...
Ээ, от этого самое, мужа, у них две дочери: Нина и, ээ, и Рая. Рая старшая и Нина младшая. У Нины, [исправляется] у Раи одна дочь, а у Нины сын и дочь, в Нью-Йорке. Я ездил туда.

АД: А Ваш брат ...

КА: Я ездил туда.

АД: Ну, Вы ездили в Нью-Йорк?

КА: Вот с дочерьми.

АД: Угу...

КА: С обоими ездил.

АД: А почему Ваш брат ...

КА: В шестьдесят девя... А то есть, в шестьдесят, говорю, в 69-ом году, да нет, в шестьдесят я же говорил – в 89-ом году ездил, вот так.

АД: А Ваш ещё один брат, его тоже забрали в Австрию, и он, вот он тоже уехал?

КА: Вот он в Бразилию.

АД: А он почему уехал, почему он не вернулся на Родину? Он никогда Вам не рассказывал?

КА: Угу... [---]

АД: А были у Вас ...

КА: Он меня, он ... Когда я был в 80-ом, ээ, это он хотел меня оставить, ээ, в этом самом, в Канаде.

АД: Угу...

КА: Но, мне же, то, что я (свой ?) останусь в Канаде, когда семья здесь, а в ... Я знал, что жена – коммунист, тёща – заядлый старый россиянин, так что они не согласились бы переехать.

АД: А у Вас ещё были брат и сестра? У Вас было только ... Ещё кто-нибудь был братьев-сестёр?

КА: Пять человек.

АД: Вы сказали ... Про одну сестру рассказали.

КА: Одна, одна сестра. Значит, Юрий – 15-го года. Это вот брат. Кстати, его ... Мать на него получает, получала пенсию. Он был офицер и он сейчас там в Стасях на могиле этим погибшим первым. Первая его строка: лейтенант или старший лейтенант Адамец, Юрий Войт... Ю. В. Погиб так вот, да.

АД: А где он погиб?

КА: Ээ, мне морочили голову, не знаю. Вот же брат писал, что он погиб в неизвестном ... Писал ему в Москву Славка, а мне ... Я переписывался сколько и с этим, ээ, с, мм, вот с МВД здесь всё тут такой полковник был. Как его фамилия? Воробьёв, что ли. Он меня всё водил за нос, что, да, что это, что он погиб, и ответили, мы были здесь, что он погиб под Харьковом. [---] Вот и думаю: „Где?“ И Бог его знает.

АД: Это ещ... это уже третий брат. А ещё кто у Вас?

КА: Брат, значит, Юрий первый 15-го, 18-го Славка, Вячеслав, 20-го – Владимир, а я 25-го был. А 23-го, между мной и Володькой, 23-го ...

АД: Сестра.

КА: Сестра Мария. Всё. Вот пять человек, все они.

АД: А Вы помните Ваш дом, где Вы жили в детстве, дом, где Ваша семья ...

КА: Знаю, конечно.

АД: Как он выглядел, сколько комнат было?

КА: [смеётся] Знаете, его (вырыли ?). Ну же, сколько? Как, знаете, как на Украине говорят: „*Очеретом хата крыта.*“ [смеётся] (???), дело в том, что ...

АД: Угу, чем крыто?

КА: *Очеретом, очеретом.*

АД: А что это?

КА: *Очерет*, это, ну, растение, вот которое в воде растёт, значит.

АД: Да, это солома.

КА: А солома такая, да. Ну, она соломой была крыта, да, соломой. До войны соломой, она сгорела в войну. Сгорела эта с... хата, и сарай там был. Тоже сгорел, и всё. Когда я приехал, то эта уже хата была построена братом. А её хата – уже как сарай, меньше, маленькая. То, что её построили сразу после войны, когда ещё не было брата Вячеслава. Никого же не знали, ничего, только он ... Я уже появился, обо мне узнали, где в 46-ом, да, 45-ом, в 45-ом, да, в 45-ом я ему написал письмо, что я в армии. Вот когда призвали меня в армию, всё, я написал, что я в армии, да. Вот, значит, да. Вот Мария в Нью-Йорке, у неё была квартира. Она её отдала дочерям. Она умерла в 68-ом году от [---] рака крови. Два месяца всего, и всё. В 68-ом году, августе-месяц, Мария. А муж её в 73-ем, по моему, году после неё. В общем, да, он тоже не выдержал. Ну, у него был старье, старый багаж. У него тоже ... Какой? А он ... [кашляет] Они какие-то были выходцы, там что-то была мельница у них, когда-то при царизме или что, значит такой, и ... Ну, они

советскую власть так – это для них было ничто. И он тоже где-то, так как КГБэшник говорит, что он ск... ск... скрывался, ээ, на Донбассе до войны. А во время войны, он видимо перешёл уже, может быть вот они встретились в Австрии. А вот как они встретились, Бог его знает. Встретитились в Австрии. Вот такие ... Да.

АД: А у Вас ... Вы были религиозно воспитаны? Вы верующий? Вам передалось вот, что Ваши родители ...

КА: Ну, крестили меня в десять лет. Я и сам не знаю, что это такое? [смеётся]

АД: А можете вспомнить Вашу школу, сколько Вы классов окончили, какие у Вас любимые предметы, может, были учиться ...

КА: Семь классов кончил в Стаси, в Стасях, да. Любимые предметы – география, история.

АД: Учителя может, любимые?

КА: Учителя? Ну, я скажу, что любимых так особенно-то не было. Понимаете, мы ж дети-пацаны эти не особенно влюблялись в учителей.

АД: Угу...

КА: Потому что они сдирали, они ж ... Надо оценку получать, а всё, понимаете? Так, что (да ?) было.

АД: А школа далеко от дома была?

КА: Школа? Нет, не далеко, не далеко: Там через ров, ну, это метров 300-500, может (около ?) километра от села. А потом я уже кончал в Оренбурге восьмой-десятый. Кстати, [смеётся] любимый учитель,

подождите, забыл, это ж надо ... Еврей-то.

АД: А ...

КА: Он математику преподавал, еврей сам по-национальности конечно. Ну, он, он что, он мне говорил ... Восемь классов я кончил – ну, кончил как, математика – ну, только двойка с плюсом, с небольшим. А? Он мне говорит: „Ну, ну, тройку“, говорит, „я могу поставить, Бог с ним, ээ, да, или останься второй год, восьмой.“ Я говорю: „Оставаться не буду.“ Ну, свой отпуск и этот, значит, перерыв между восьмым и девятым я использую для изучения математики. И вот уже в девятом классе он меня ставил в пример ученикам. Он говорит, а это была вечерняя школа, он говорит: „Вы помните, как Адамец изучал ма... математику, а теперь – видите?“
А ...

АД: А вот у меня такой вопрос: У Вас перед войной были какие-то планы на будущее или, может, кем Вы хотели стать?

КА: Меня в школе звали Министр. [смеётся] Так звали в деревне в школе.

АД: А почему?

КА: Чёрт, я даже не знаю, не помню. Знаю, что в семье, ээ, эти дети, то есть сёстры и братья назы... так, если сердятся, называют меня Кутя.

АД: А что это значит?

КА: А это кутя из пшеницы, знаете? Это самое, оббита на этом самом, на ступе и потом варится. И заваривается компотом, может быть яблочным или грушевым. И вот его ешь, хороший такой. Я любил здорово эту кутю. Вот почему меня звали, значит, да, свои. А эти так и ... Да, в школе эти, я говорю, что Министром звали.

АД: А кем Вы, может, хотели стать? Вы мечтали до войны кем стать? Какие-то планы на будущее в то время были?

КА: Мечтал, мечтал, мечтал, да. Мечтал стать моряком. И кстати призывная комиссия, тоже самая, ээ ... Аа, вот здесь, по-моему уже в Гродно, что ли: Проверяли, призывная комиссия, и они говорят: „А ему б надо было идти не сюда, а идти на Морфлот.“ Ах?

АД: А я очень хочу вернуться в начало войны. Вы можете описать тот день, когда вот немцы вошли в Вашу деревню и тот день, когда Вы впервые увидели немцев?

КА: Могу, могу. Это было, значит, так. Ну, сразу, сначала, ещё до этого немножко, значит, мы, вот когда я Вам говорил, что речушку этого, солдаты говорят, что речушку перекрыли туда, это потом, когда. И мы где-то под Полтавой, когда возвращались, видели это, уже солдат, которые везли командира раненого. Потом видели, как два „лавочник...“ этот, „лавочкин“-истребители, это ж тоже такие (крупки ?), „мессершмитта“ сбили под Полтавой, на почти, возле Полтавы, когда ехали. И видели, как шли красноармейцы по двенадцать рядов конные, и уже были автоматы. Автоматы были эти самые, вот эти дисковые. Уже прапорщики шли впереди и эти командиры с этими бурками, лошади ж на хвост туда, на ... Это была, значит, ээ, армия Будённого. Командовал Будённый, он был в Полтаве в то время. Значит, и ... Ну, а эти немцев, значит, ээ, всё: Один вылетает самолёт, там два, три (встречи ?), и опять кружится, опять появляется. И всё, бомбёжка, всё это, да. И вот шли они на Харьков прямо. И после этого двадцать лет там ничего не расло, где они пошли. Это столько шло, эскадрон за эскадроном за д... Всё это надо ... Всё мы видели, всё это, всё, да, уже. А потом через, ээ, да ... [смеётся] Говорю, это, опять ... Я тут наговорю, да. Опять мы с Колей, Коля мой друг, сосед напротив, Слынько Коля, Николай, мы с ним пошли: Колхоза уже нет, а пасека осталась. Вот мы как медведи пошли мёд брать. Взяли с... Это открыли, рамку

вытащили, а эти пчёлы как дали нам! Да, так. [смеётся] Мы бросили эти рамки. И я, значит, там в ручей, в воде, чтобы быстрее там пчёлы это, погнать, вот, да. В общем, кое-как мы, значит, справились с этим. Прих... этого, я Вам скажу: Это было, ну, где-то в середине августа, в середине августа, числа 15-го, 16-го, вот так. И вот, ээ, мы что, значит, пчёл этих, а тут вдруг, это, снаряды посыпались. Снаряды же рвутся, чёрт побери, что мы попадём под снаряды, до воз... Да. И мы: „Давай быстрее домой, давай быстрее домой“, да. Ну, и конечно, так рвались не так уж далеко, метров 200-300, так взрывается, мы ложимся, падают. А потом опять ещё (???). Значит, так добрались домой. Ну, потом, вот я Вам говорил о корове.

АД: Да.

КА: Как началась война, эта корова оттуда из Михайловки, она такая была рыжая, такая рыжая, а очень импульсивная, что хвост трубой, и куда, и ... А мы с мамой без коровы же, так. И уже немцы вступили, это было, может быть, 15-го-17-го августа. Ещё тепло, све... ээ, хорошо. И мы начали ... И мы через Слинкив яр туда в Михайловку. Так вот там пр... опускается так Слинкив яр, и наверх поднимаешься, а потом опускаешься – уже Михайловка. Там Диканьский лес, опушка идёт, и там Михайловка за опушкой, да. И вот, значит, я, ма... с мамой, ээ, иду с мамой. Она завязана платочком белым. Её ... А я, когда мы, когда мы Слинкив яр этот обошагнули и вниз начали пускаться, там есть кусты такие: глид. Знаете глы... [исправляется] глид? Ну, красненькие такие ягодки, да, вот это кустарник такой. И я только с... я ... Мать отсталась, а я спустился, бегу бегом. Слышу только: трах, трах – выстрелы, и пули – пшш, пшш, значит, свистят пули. Думаю: „Ёлки-мо...“ Да. Я за кусты, а сижу. Мама появилась, белое платье – прекратилась стрельба, всё. И я, мать подходит, говорю: „А ч...“ Она говорит: „Чё ты сидишь?“ Я говорю: „А вон красноармейцы стоят.“ – „А“, говорит, „иди.“ – „А да возле леса“, говорю, „уже Диканьского, вон они стоят“, говорю, „биноклом смотрят на нас.“ Э? Она говорит:

„Да не может быть, они уже, уже ...“ Да. А я говорю: „Он смотрит.“ Да. Ладно, значит, пришли. Только, толко вниз мы спустились, там рожь или пшеница, что-то было, ещё не убраны почти. Это значит, июль-месяц наверное, не... „Да, а мы ...“, говорит, вот, и, да. И они машут: „Сюда, сюда.“ К ним. Пришли мы. Они нас на повозку и туда, в штаб в Михайловку. А в Михайловке в штабе назы... там был детсад, детприют. И вот там они расположились, этот штаб, значит, кавалерии этой, да. [кашляет] Ну, и вот, как я Вам говорил, что они ж хотели там, да ... Мы с этим Миколой, ээ ... Как его фамилия-то была? Что мы с ним вот как, ну, знакомые, школа, всё. Мы, это, к... лошадей, лошадей, что (давно ?) интересно, как. А этот самый, коновод, ээ, командира этой части, подполковника по-моему, был, ну, русский такой, русский, да. А он приходил к, к нашей, значит, хозяйке. Ну, надо там яйц, курочку, что ли, значит, поджарить. Он провозил, значит, и она там делала, и он заказывал это дело, оплатил. И, значит, оставит свой... свой... коня, и всё. А мы зна... я знал, что в... ещё тогда, когда ка... кормильцы были, когда колхоз был ещё, ээ, немцы толко подходили, то один был ранен в ногу, причё и в голову. Так он вставал, когда лошадь сад... ложилась, он вставал, шёл в колхоз, потом приходил, садился. Лошадь поднималась ещё: „Куда хочет-то?“ Вот такие лошади, кавалерийские лошади. Я уже знал, даже в 70-го, что эти лошади очень умные, это не, не простые лошади, да. Когда вытаскивали, помните, за Сорочкой или что, из воды красноармейцев в своё время, да, лошади. Это лошадь, да. Так вот. Что я хотел ска... да, значит, чем мы закончили, Вы не помните?

АД: Вы рассказывали, что у Вас был ...

КА: А, что мы спустились и поехали. Значит, нас опросили всё. И, значит, ото пр... приезжали всё время, и мы как-то один раз ... Эту лошадь он пускал, просто повод так на неё накинёт и идёт в хату, всё, ничего, красноармеец, это самый, адъютант. Мы: „Давай“, говорю, „Коля, а ну поддержи её, а я попробую сесть.“ Да Коля это держит, я только до стремяна ногой левой, чтобы закинуть правую

– как он на этого Колю зубами: хлоп! Он кубарем. А потом мне к... значит, как даст задней и становится свечой. Это я тоже кубарем, отодвинувшим. Он вышел, хохочет, и вся ... „Ну, что“, говорит, „покатались?“ [смеётся] Ну и они часто, там такой штакетник, который был, в лагере этот был штакетником, он и часто утром сел, да. Припрыгивали на лошадях, с, с этой, штакетник, тренировались, да. Ну, потом катюшу, мы увидели в первый раз катюшу в 41-ым году. Мы видели, как она пуляла на Стаси снаряды эти термитные. Видели, как она – выстрел пустит раз-два, не больше двух, потом зачехляет всё, всё, и уходит. Тут же меняет позицию. Это их было железно это, приказ, что ни в коем случае ... И вот это я не знал тогда, что это катюша. А когда прие... пришли домой, и у нас сливник весь побиты этими термитными снарядами, тогда я понял, что это была катюша. Понимае...

АД: А ...

КА: Вернее когда уже в армии даже служил, так уже катюшу ... Да, тогда я понял: „Вот, что было, оказывается, что стреляли они.“

АД: А я вот понял из Вашего рассказа, что Вас забрали в Германию за то, что Вы вот этот пистолет у офицера украли.

КА: Да, да, да.

АД: А у Вас было время попрощаться с родными или что-то с собой взять в дорогу, вещи?

КА: Нет. Единственное что, что Мария, сестра, там дорога идёт, идёт с Диканьки мимо Стасей, только, ну, к... километра два от Стасей, три, может быть, от Стасей, идёт ш... этот самый, была шлях, ну, этот, ээ, дорога грунтовая такая. И вот когда нас гнали туда, в Полтаву, то Мария мне принесла там булочки, там что-то ещё, значит, кушать, сестра вот эта. Вот, это было с... да, это было. Так вот, понимаете, мы приехали, (на ?) же, что может в армию,

так, ээ, мы лошадьми, лошадьми один раз, лошади, лошадей выгоняли тех, кто больные. А тогда был ящур, всё было. Скот ходил по, возле Ворскла. Это полно скота больного ходит. Всё, вы... выгоняли уже, всё. Так вот, мы лошадей таких более или менее подходящих ... Садилась и, и каталась. И вот один раз немцы оттуда с бугра, где говорил, Слинкив яр, по нас постреляли, так мы после тоже туда не, не ходили больше, и всё, хватит. [смеётся] Постреляли, хорошо, что не попали, а так бы было б на лошадей. А потом этот самый адъютант ... Уже мы в Михайловке увидели, что бежит одна лошадь его. Одна, его нет. И когда мы тогда, там были наши, так сказать, знакомые солдаты, мы говорим, они говорят: „Молитесь – погиб.“

АД: А Вы можете ...

КА: [одновременно] Ещё он говорил, я извиняюсь, ещё он говорил, этим моим, моей маме и той, что мы были, Дикая, Дикий, Дикий, фамилия Дикий-то, и они, он говорил, она говорит: „Аа“, наши матеря, „аа“, говорит, „немцы“, говорит, „уже в Харькове“, говорит, „в Харькове ра... воют.“ А он, по-русски: „Говорят, что в Москве кур доят, а они яйца носят.“ И мы ... Это первый раз, я запомнил это всё. [смеётся] „Говорят, что в Москве кур доят, а они яйца носят.“ Вот так он ответил матерям, этот самый коновод. Ну, погиб.

А там сколько было их погибших, это и горевших, где с... там скирды были с хлебом, с сеном, со всем, где, значит, много, очень много. Даже такие, в лесу мы видели, что упал и гранату держит, не успел бросить.

АД: Это кто?

КА: Красноармеец.

АД: А Вы можете описать Ваш ...

КА: А немцев двух только видел, двух убитых. Это когда мы пошли корову гнать, то мы опять в Слинкив яр, толко не пошли через (???), как мы туда пошли, а вокруг возле Ворскла прошли, и туда зашли, где, на Слинкив яр. И когда начали подниматься наверх к нам уже в Стаси, надо же по Слинкову яре начали подниматься, то увидели один лежит немец, потом дальше. Я говорю: „Мама, вот смотри, немцы лежат везде.“ (???), а, а они, получается так: Мы ведём корову эту, и, значит, мама ведёт, а я сзади её под... подстёгиваю. А, значит, немцы ... Красные с той стороны бугра: та-та-та-та-та-та из пулемёта в немцев, а немцы всё: ту-ту-ту-ту. Их же пулемёта такие, и тоже на красных стреляют. А мы идём наверх к ним под эту стрельбу. Так я говорю: „Мама, вон второй“, говорю, „немец лежит.“ А она говорит: „Да, очень так это дело стра...“ Потом смотрим: такой немец, здоровый такой, знаешь, высокий такой, как когда-то до войны их карикатуры делали. Показали. Да, с ним как карикатура. [смеётся] Так, значит, он, он, увы, да, он ... Прекратили они стрельбу, немцы и Красные прекратили стрельбу. И он: „Шнель, шнель, шнель.“ – „Быстрее.“ Прогоняли коров судя ... немцы: „Быстрее, давай, давай.“ – „Шнель, шнель, шнель“, кричит. Кричит, орёт. И покуда мы на другой порог перевалились, опять начали: та-та-та-та, ту-ту-ту-ту-ту. Это было стрельба между ими, между красными ... Это было прикрытие. Это прикрытие. Они уже, эти самые, войска уже ушли, к... конница Будённого уже двинулась на Харьков, а прикрытие осталось. Вот это прикрытие как раз и стреляло между ... Да.

АД: А Вы можете описать, когда Вы прибыли вот в этот лагерь, когда Вас привезли в конечный лагерь в Германии, это Дойч-От... Дойч-Ост назывался лагерь ...

КА: Дойч-От, да. Итак, Дойч-От.

АД: От. Что в этот день произошло? Что Вы должны были делать, или как Вы помните что-то из этого?

КА: Вы знаете, ну, в первый день я не помню то ... Ну, расселялись, расселялись. Они нас, там какой-то был дом. Они, когда видимо забирали, забирают Эльзас и Лотарингию, его там по... побили, значит, какой-то этаж, четвёртый, четыре этажа, по-моему, было их. Четыре этажа дав... такое здание. И рядом ещё одно и второе – барачные такие, да. И, вот, они там нас размещали. И это вот в первый день размещение, а не, не работали. А в второй день уже всё строили и в шахту. Ну, выдавали, вот это же, робу, значит, да, и со знаками „Ост“: восточник.

АД: У Вас знак „Ост“ был?

КА: Да, вот это. Вы видели наверное.

АД: Да, я видел уже, а ...

КА: Видели. Да?

АД: Вы ... А где Вы размещались? Вы в бараке были, да?

КА: Нет. Мы были в доме, в доме.

АД: В доме. В частном доме?

КА: Не, вот этот, ээ, один корпус, который был там побит что-то, и, значит, корпус новый, они в нём размещали. Первый там эти этажей верхний, по-моему, затекал там, просто потому что побит, и всё. А з... а дальше уже ничего. Ну, были решётки, там всё это, проволочное огорождение, эти (колкие ?) там и всё. Ну, ну, я один раз спускался с этого четвёртого этажа таким образом. Пошли в лесу по-хреново, пошли взять одеяла свои. Вдвоём, так. И проскочили: Подкараулили когда этот самый, специально, охранник в будке на прохо... на выходе, он или кушать или пошёл кушать, в общем что-то отвлёкся. Мы в это время проскочили и туда в дом. В доме, значит, заскочили ребята, говорит: „Ёб твою

мать, да лиш...“ О, извиняй.

АД: Угу...

КА: [смеётся] Выбросить надо. Так он ... Мне говорят: „Вы что, шутите, вас же“, говорит, „схватят.“ – „А наверное ничего“, я говорю, „сейчас.“ То и правда – тревога. Ну, мы тогда на крышу и по водосточной трубе. А мы – лёгкие, не особенно такие ... И же их, оо. Это голодные всё. И по водосточной трубе спустились и ушли в лес. Но это, сеял... одеял не... мне пришлось не брать, нельзя.

АД: Это когда Вы ... Побег был или что это?

КА: Вот тогда, когда мы в лесу жили.

АД: Угу. А Ва... как Вас охраняли, и кто Вас охранял?

КА: Охраняли немцы, да.

АД: Вот в этом лагере.

КА: В лагере, ну, были и эти самые, вот это Лёва – это был местный. Были ещё местные.

АД: А что это значит, местные – это из Украины тоже или ...

КА: Да нет, местные это местные, то, что жили там.

АД: Аа...

КА: Жили там.

АД: Ну да.

КА: Жили, жильцы местные, жильцы местные. Местные, они же жили

там. Там же и работали, ч... и все ж тоже были. Ну да, некоторые были: там вот этот буровик и там разные там, чтобы возили этом, ээ ...

АД: А почему Вы его Лёвой называли?

КА: Ну вот так, у него больше никак: Он, ээ, за, этого, табак заложит за, за щёку и сосёт. А такой, зубы чёрные, такое, страшилище, да.

АД: А в этой ...

КА: Вы думаете что? Мы, что ли, когда освободили, мы приходили его прикончить.

АД: Да?

КА: Да. [смеётся] Приходили, всё, Лёву прикончить. Мы узнали, что он живой остался и приходили его как прикончить. А, оказывается, пришли, а там сидят наши лагерьцы. „Мы его – Лёву.“ И к нам: „А что?“ – „Да бы“, я говорю, „его когда ж ... Надо его убить. Да чё то?“ Они говорят: „Слушайте. Вы“, говорит, и она пришла, ээ, жена, „вы“, говорит, „имейте в виду: Эта женщина, его жена“, говорит, „нас кормила всё время это, два года“, говорит, „да, что не надо“, говорит, „а он всё равно умрёт, сколько ему осталось же жить.“ Мы пришли, плюнули на него, видишь. [смеётся]

АД: А это его настоящее имя Лёва было или ...

КА: Лёва было настоящее, по-моему.

АД: Угу...

КА: Так вот, ээ, значит, на чём мы остановились?

АД: А, а расскажите, Ваш рабочий день в этой шахте как происходил:

Во сколько вставали, во сколько ели, а когда домой шли, и какая работа?

КА: Вы знаете, по-моему где-то, к восьми часам мы уже должны работать, к восьми. Значит, вставали в шесть, в семь кушали, а потом полчаса идти.

АД: А что Вы кушали с утра?

КА: С утра – я Вам скажу что: значит, или сырая, или варёная брюква, брюква, ээ, значит, кусочек хлеба, да, и помои-чай, так мы называли его. [АД смеётся] И всё. Значит, когда мы возвращались, возвращались мы, дня они же не кормили ничего, возвращались мы часа, часов в пять, да. Там, по-моему, две смены, ну, нас, больше смены мы работали. И, значит, возвращались, то нас кормили, каша, была каша, была каша, ну перловая или я... или, ээ, рисовой не было, или пшено, что-то смешано с чем-то всё в общем. А ж... А суп с... значит, такой, такой суп, что если поел, то не, на, на этом, на дне – земля. Ну, это вот картошечные отходы, это там, ээ, ж (скорлупы ?), всё, что отход. И, что они ещё, борщ допустим – это свекла, свекла такая порезана, прорублена так, да, свекла. А ...

АД: А обеда не было.

КА: А обеда у нас не, не было, нет.

АД: А на работу Вы ходили колоннами?

КА: Колоннами, да.

АД: Под охраной?

КА: Да.

АД: Вам лагерь можно было покидать, или было у Вас свободное

время?

КА: Ни в коем случае.

АД: А выходные?

КА: И выходные тоже. Вот единственное что – в выходные они, бывает, отбирали там кто, ну, отбирали, кто хорошо идёт там и так далее, и их на час могли в город вывести, там местные могли им дать что: хлеб там, что сунуть просто, тихон... тихонько (???). Вот, как я Вам говорил, что директор этот.

АД: Директор (???).

КА: Да, нам, нам сунул, да, 25 розг, да.

АД: А что такое ро... роз... розг, о Вы всё время говорите, это что? Плётка?

КА: Этот отключите.

АД: Почему?

КА: А я вот тогда скажу Вам, что это такое.

АД: А так не, не расска...

КА: Так не хочу просто.

АД: Хорошо. [x] У меня такой вопрос к Вам: Они знали, что Вы на шахте работали?

КА: Кто?

АД: Немцы. Почему они Вас на шахту направили? Вы где-то

рассказывали, что Вы на шахте работали или это чистая случайность, как Вы думаете?

КА: Может быть и знали. Ну, может к... они, может быть, спрашивали, когда нас арестовали. Может быть спрашивали, где они учились, где, где мы учились, где ... Возможно это было как раз то, что, что возможно им нужно. Они могли узнавать.

АД: А ...

КА: Ну, ещё, ээ, ещё [смеётся] это ко... ну, можно конечно это не такое же. Могу и так сказать, что в, в Киеве, где нас пересил... пересыльный пункт был, бы... ну, в общем перегружали, там поезд, (где ?) нас, значит, выгружали, и, и, значит, был, было здание какое-то, ну, чёрт п... тюрьмы или, или церкви, что был, что (э ?) здание. И там было написано на стенках, сплошной было, что только угодно, и вот было написано: „Кто не был, тот побудет.“ А то же не: „Кто не був“, на х... на украински... „той побуде; а кто був, тот, той не забуде.“ А грубо там написано: „Хрен не забуде.“

АД: Что было написано?

КА: „Хрен забуде.“ [смеётся; потом шёпотом] „Хуй забуде.“

АД: Угу...

КА: Так и написано было.

АД: Угу. А Вас, Вас наказывали там вот в этой шахте? Были случаи, когда Вас наказывали, наказания?

КА: Карцер, карцер, он не пустовал.

АД: А за что?

Zwangsarbeit 1939-1945

TRANSKRIPT: Adamez, Konstantin Wojtowitsch (Archiv-ID ZA001)

КА: За что, что угодно, за любую провинность. Вышел без разрешения или что там, стоит же, в каждом подъезде, вот там три или четыре подъезды, стоит, этот дежурный. Вот без него вышел, значит, не сказал, значит – всё, наказание. Ну, в общем, вся была та процедура. Но один был, один был люксембурец, член правительства Люксембурга.

АД: Это в Дойч-От?

КА: Дойч-От. Он был, по-моему, помощник коменданта. Ну, он был хороший человек, это да, это да. Этот человек был. Да. Он всегда старался защитить. А комендант, немец, этот зверь.

АД: В лагере. А что он делал?

КА: Да что угодно: и бить, и что мог. Мог даже вот идёт, если что (есть ?), может влупить или ударить, или палкой или, или вообще или посадить (???). А гестапо тоже, такие рыжие, рыжие гестаповцы, ну как вроде они злые на свой цвет или что, понимаете, они как волки. Э? Вот если били нас, мы друг друга, если видит, что плохо бьёт, выхватывает этот, это и лупит и того и другого, „Вот так надо бить!“

АД: А Вам в лагере что-нибудь платили?

КА: Нет, что вы! [говорит с нескрываемым удивлением вопросу] Об этом и речи не могло быть. Не было ничего! А да абсолютно, это речи не может ...

АД: А свободное время было?

КА: Ну, было. Несколько. Да, к ... Ну, ээ, выходной день, по-моему, они делали один – собственно воскресенье. И потом ещё были такое, что, ээ, значит, у них какой-нибудь праздник, тогда и нас, тогда и мы отдыхаем, понимаете? Ну, у меня, я например там ба... с

вагонеткой зацепило меня ногу, свернул, под это самое подвернул ногу. Был ... Не, не ложили, начала пухнуть. Всё опухла нога, потом, значит, всё-таки в этот, в лазарет поместили на неделю, по-моему, на неделю был. Да, не помню, вот я как-то подвернул, если с вагонки, с вагона спрыгнул. Ну, в общем, была ... Я говорю, это вот это один человек в лагере был, я и его в... и фамилию старался запомнить, не запомнил фамилию, высокий такой, красивый. <>

АД: У меня, у меня вот такой вопрос есть: Когда Вы, первый побег был, и Вас потом направили в концентрационный лагерь, как наказание, сколько Вы там были в этом ...

КА: Ну, примерно пару недель. Потом нас эти запросили, же запрос. И мы, кстати, не знали, что это концлагерь. Это было секретно. Эти самые гестаповцы ни слова не сказали. „Это“, говорят, „лагерь ваш“, и всё. Привезли, и всё: „И вот ваш лагерь.“ А потом мы увидели, по-моему на каком-то обеде или после уже работы, что эти, значит, эти же самые, ээ, ну, наши люди прыгают на четвереньках или на корточках прыгают – это заставляли. Заставляли же, да з... это гестаповские методы, заставляли. Значит, это, вот это и говорило о концлагере.

АД: А ...

КА: Но мы, но мы не знали. Мы не знали.

АД: А Вы там работали?

КА: Работали.

АД: А что Вы делали?

КА: Грузили. Грузили, значит, песок, щебень грузили на платформы, да. Потом мешки с содой, которые кидают в это, конверторы вот эти на металлургических заводах. Это мешки да грузили. Ну, что

там ещё, не помню. Что-то, да, да, ещё ж этот самый, уголь и, и этот самый коксующийся, ээ, кокс и ... Уголь и кокс.

АД: А как это далеко было от Вашего вот этого Дойч-Ота?

КА: Вот Вы знаете, точно я не знаю, но мне кажется, это где-то километров 150-200, может быть.

АД: Это тоже Эльзас и Лотарингия было или нет?

КА: Нет, это в Германии.

АД: Это в Германии было.

КА: И это даже не Люксембург. Люксембург – ээ, он 80 километров длины и 40 ширины, вот страна.

АД: А как вот в этом концентрационном лагере, ээ, как Вы называете, Вас ... Ээ, какое питание было там?

КА: Я бы сказал, что то же самое почти, что на шахте, почти, да. Ну, было по-моему, даже немножко и лучше. Ну, плохо конечно. Всё это, питание конечно было безобразное.

АД: А сколько Вы там часов работали?

КА: Мы, значит, так: Они дежурные, были мы. Вот, значит, кончилась смена, допустим, этих уже нет, это, ну, нет чего делать. Значит, прекращают. Мы сидим. Появились вагоны – всё. Пошли. Понимаете? Или выгрузка или погрузка.

АД: А во сколько Вы на работу выходили там?

КА: Ну, вот я говорю, что мы, мы являлись как бы дежурными, что если, если, значит, появилось, то нас бу... будят и: „Немедленно“,

говорят, „выгружай“.

АД: А домой приходи... А назад возвращали?

КА: Назад возвращались под конвоем, всё. Всё, да с собаками даже. Мы обратили внимание на собак. Ну, что сделать? Да, мы так ...

АД: А били Вас там сильно?

КА: Вы знаете: В гестапо – били.

АД: А после?

КА: А вот в этом лагере, концлагере – не били, не били. Как-то получалось, что мы, мы, значит, после леса ... Мы же подкрепились в этом самом деревне, то там нас кормили неплохо. Хорошо кормили. Там было и сало и мясо. И да, кормили неплохо, мы подкрепились. И поэтому работали хорошо. Они в их ... Просто причин не было бить.

АД: А вот потом, когда Вы попали уже в Люксембург, расскажите, как Ваш рабочий день там в Люксембурге, как Вы работали?

КА: Так мы ж в тюрьме были.

АД: После концентрационного лагеря Вы вернулись на шахту, потом Вы ещё раз сбежали?

КА: Сбежали.

АД: И Вас вали... сп... поймали?

КА: Да, и в тюрьму.

АД: В тюрьму. И там Вы не работали уже?

КА: Не, в тюрьме не работали, это были одиночки.

АД: А после тюрьмы Вас уже освободили?

КА: После тюрьмы нас направили же в Эш, на завод.

АД: А вот в Эш, вот расскажите, в Эш, как там рабочий день проходил, со сколько до сколько, питание?

КА: Там, там, да, там, значит, рабочий день, по-моему, но там был обед. Там ходили на обед, обед был, тоже строем, но ходили на обед. А работали тоже с восьми часов, и работали, значит, до часа, по-моему, потом час перерыва на обед, и потом опять до шести или семи. В семь часов – ужин. Ну, завтрак, они конечно тоже, не завидный такой было, лёгкий завтрак. Это, что они там, по-моему, ну, каша какая-то, да, потом что-то вроде, ээ, заправлено молоком, там бывало такое, немножко там белый этот чай, или как его хочешь, называй. Так, обед несколько лучше. В обед, ээ, бывало кусочки мяса были. Но, тоже конечно плохо это, это да, но уже лучше было.

АД: А деньги Вам платили там какие-нибудь?

КА: Нет. Нигде, нигде.

АД: А наказания были там на этом, в Эше, в заводе?

КА: Да, да.

АД: И за что били, как часто?

КА: Значит, не вышел на работу без причин – всё, карцер. Дальше: Не там оправился – лу... избить могут или ударить, да. Дальше, значит, что там ещё? Не, не послушал мастера, это специалиста –

тоже лупня, всё это, да. Не выдерживать, не выдерживаешь си... силой то, что переносишь, вот мешки эти с содой допустим они (тяжелейшие ?), да. Вот это всё, всё конечно всячески ... Но это правда, не буду говорить, что всё-таки, эти краснодонцы, как не говорите, надо отдать справедливое, что они вечером после ужина, бывало, занимались борьбой. [---] Мы смотрели на это, как на чудо. [---] Вот это – да, бывало, что так. Даже нас подтрунивали, но мы говорим, что: „Кто тронет – тот не жилец.“ [смеётся]

АД: А Вас бомбили, были случаи, когда Вас бомбили?

КА: Бомбили, бомбили.

АД: По лагерям, вот Дойч-От, Германия, и Эш?

КА: Вот здесь, вот здесь бомбили.

АД: Где?

КА: Где мы были, ээ, в, ну, ээ, в цех, который выпускал железо, металл, железо же для самолётов, да.

АД: Это в Эш, в Эш?

КА: Это в Эш. Это, да, за ... Это Эш, за Эш (скорее ?), где-то там на окраине, но в общем недалеко от Эш, да. Это вот продукция этого завода, значит, правлялась и туда направлялась и её прокатывали. И там вдвоём щипцы такие, металл горячий, щипцами, в рукавицах, всё, и пускаешь, вот так пресс качает. Кресс, пресс, до, до определённого там толщину, которая, на сколько миллиметров там, значит, да. Вот та, и там же бомбили. Бомбили американские самолёты. Но бомбили и, бомбили, да, бомбили они, американские самолёты, мы её, её видели много бомбёжек. Мы видели, что с... вот на путях, на железнодорожных станций-то, солидные так, что вагон после бомбёжки, как вроде его на полкилометра принесло

туда, и тут там стоит, уже не на рельсах, а вообще стоит. Такая сила, взрывная сила ...

АД: Угу...

КА: Этих бомб. Американцы бомбили и у нас они, значит, один вот эти летающие крепости, они же летали и бомбили, и летали, потом в Полтаве садились, в Полтаве садились. Там заправлялись, всё и обратно летели, опять (бомбили ?) и летели уже, ээ, на Запад, туда, на свою базу. Так вот, значит, один пикирует, как бы указывает место, а эти разворачиваются, и высыпают (её ?) да с той же высоты, не, не спускаются ни сколько, с той высоты все бомбы выпускают, разгружаются прямо, да.

АД: А Вы могли покидать в этот момент бун... бункер, о... вернее уходить куда прятаться от бомб?

КА: Да, да, да, бывало ...

АД: И вот на ...

КА: Что могли. А, бывало, не могли, а бывало, что могли. Мы даже ходили искать что, продукты, что ж, что, да, да, может, вагоны с, с этим. Бывало, что, да, ходили ребята, печение, бывало, находили там сахар или что-то, да. Тащили это туда.

АД: А куда убегали другие работники завода?

КА: Ээ?

АД: А куда во время бом... (бомбировки ?) другие работники завода ...

КА: В этот самый, бомбо... как его, убежище, бомбо...

АД: А Вы туда не бежали?

КА: Мы тоже бежали. Но они другой раз прятались подальше, а мы поближе, [смеётся] чтобы можно было выйти.

АД: А вот можно сейчас, так и черту подводя: Какое самое плохое воспоминание из этих времён? Что у Вас – самый страх или самый вот ... Запомнилось что из всех этих лагерей?

КА: Это, это, это лагерь ... Ну, мы ... Так не, не сказать, чтобы очень запомнились. Вот когда эти издевались над этими, ээ, значит, в концлагере. И запомнилось, как гестаповцы нас три или четыре дня лупили. И, и, и лагерь Дойч-От. Я считаю, я лично считаю, что это тоже концлагерь, тот же концлагерь.

АД: А может у Вас какие-то хорошее впечатление осталось, может, кто-то Вам помогал? Кто у Вас самое запомнилось хорошее впечатление из ...

КА: Ну, я говорю, что взрывник очень хороший человек был (???)

АД: [одновременно] Который бутерброды Вам приносил?

КА: Да, да. Четыре мы грузили, он, ну, он один взрывал, мы грузили. И вот, значит, он каждый день нам бутерброды и рассказывал, как в Сталинграде, как Паулуса, ээ, это самое ... с В плен взяли.

КА: Вот в плен взяли.

АД: А как он реагировал на это?

КА: А? [с ударением] Он, он к, с нами чертил на этом, там же г... это, руда. Так он может впол... Этот, чертит, как, как окружили, значит, Сталинград, пишет. Мы всё понимали, что он нам объяснял, всё. Потом, как Курскую дугу, как, и, и говорил: „Гитлер – капут!“
[смеётся]

АД: А можете сказать, какие последствия Ваших работ в этих трёх лагерей, в трёх лагерях, последствия, может, на здоровье, какие сказались? Или для образования Ваше? То, что Вы для себя, может, в конце вот, сейчас после, на пенсии, бы сказали: „Вот это было последствие лагерей.“ Что, Вы считаете, было последствием этих работ?

КА: Ээ, да, да, было. Понимаете, это, конечно, тоже, ну, это же старость, но вот видите – эпикриз.

АД: Это, это вот это то, что (???)?

КА: В третьем году, в третьем.

АД: А можете объяснить, потому что я не совсем понимаю смысл. Это болезнь какая-то?

КА: Да, это болезнь.

АД: А как она называется?

КА: Вот смотрите, клинически вот написано: „Поступил в терапевтическое отделение 16-го девятого 2003-го года; выписан 26-го девятого 2003-го. Клинический диагноз: хронический обос... обструктивный бронхит в стадии умеренного обострения.“ А я бы ещё сказал, что бронхит – хронический бронхит и бронхиальная астма. Я другой раз вот туда вот к осени тут будет, что я закашляюсь, не могу остановиться, да. Вот сейчас дерёт меня. Уже я сколько поговорил, меня уже дерёт в горле всё. Значит, вот и я им говорил. Я им по... (???). Прове... они: „Мы, значит, вроде проверили, как вы, значит, дышите, как всё это“, да. Но это вот железнодорожная поликлиника, и я там состою в железнодорожной поликлинике.

АД: А вот я хочу ...

КА: Вот ...

АД: Угу...

КА: Давайте до конца: „Осложнение, основной диагноз: эмфизема лёгких.“ Это туберкулёз. Правда, она говорит: „Я ещё первый раз его-то ...“ Я говорю: „Диффуз... диффузный пневмосклероз ДН-1.“ Диффузный склероз, понимаете? Это вот самое страшное, это легкие – всё. Я вот считаю, они сейчас до сих пор не восстановили. Но ещё правда и эти, городская, тут не установили, что я лично считаю, что у меня экзема до сих пор моч... мо... мочится экзема. Я уже вот купил ... Я сам, я трачу на болезни меня и жены ...

АД: На лекарства.

КА: На лекарства трачу не менее, около сотни тысяч каждый месяц, каждый месяц. У меня ведётся учёт и всё: каждый месяц, да. И вот, значит, вот дальше идёт: „Сопутствующий диагноз.“ Это, где клинический – основной диагноз, к... а сопутствующий: „ИБС – ишемическая болезнь сердца.“ Теперь: „Атеросклеротический кардиосклероз“, это, это вообще ... „Артеросклероз аорты внешних артерий Аш-1, хронический вазомоторный ринит“, это горло. Ринит, это так ... Аа, горло говорил, [исправляется] нос, о, о!

АД: Угу...

КА: Он у меня, он у меня, стоит у меня там он, видите сами. Так он стоит, что я опрыскиваю нос, белый, это ми... это минское, аппарат, да ничего. Хороший, можно сказать, неплохой. Ну, есть и были ш... есть они, ээ, по стоимости 50.000 такие аппараты, по 60.000, но их не выписывают, хотя у нас бесплатные рецепты, считается. Я ж, у меня же есть все документы на это. И вот этот ринит – он тоже, это такая гадость, не дай Бог. „Хронический холецистит в стадии

ремиссии“.

АД: Угу...

КА: „Хронический гастрит в стадии нестойкой ремиссии, хронический панкреатит в стадии ремиссии“, да. „ДГХЖ, [исправляется] ПЖ в сочетании с хроническим прос... простатитом“, это, это самое, ээ, как говорит, уже женщина не нужна, этот, да, понимаете? И тоже мне выписывают, да, я Вам п... простатит, простатит.

АД: Угу...

КА: Я беру чешский, плачу почти 5.000 за один, этот самый, ээ, набор, так, чешский хороший под простатита чай, их набор.

АД: Угу...

КА: Я его могу показать, он у меня есть.

АД: Угу...

КА: Да, так что, да. И вот, я, значит, стараюсь, вот это простатит. Кисты обеих почек, камень мочевого пузыря, они уже давно у меня. Каждый раз ... Сейчас он уже, этот, врач будет меня, ээ, журить, что: „Что ты же не приходишь, ничего. Ты же говорил в больницу ложиться по отношению вот это, сделать операцию, простатит удалить и, значит, кисты.“ То ещё пока почек камни, они ничего. Хотя там у меня одна почка, правая, 22 миллиметра, но допускается где-то 35, и вторая – 18 миллиметров, на обеих к... почках киста. Так, и, значит, вот это ... Ну, и хотел... хотели вырезать мне камень мочевого пузыря мочевого. Ээ, я сказал: „Когда везти будете на кладбище, тогда вырезайте.“ [смеётся]

АД: А у меня такой вопрос насчёт, ээ, компенсации: Вы сколько раз компенсацию получали?

КА: Знаете, меня ... Это, это – бандитизм. Я не знаю, мне не нравится, такое дело, что ... Я получал два раза, три раза, да.

АД: А ...

КА: Первый раз по первому (траншу ?) ...

АД: А Вы ...

КА: Который был 200 миллионов.

АД: В белорусских рублях?

КА: Первы... как раз тут бело... Не, 200 миллионов марок.

АД: Аа, общая сумма.

КА: Как раз, да, немецких марок. Я с них получил, ну, где-то две с половиной тысяч.

АД: Марок?

КА: Марок.

АД: А в каком это году было?

КА: Это было в 92-ой-1994-ый год. Потом, вот второй транш. И кстати, второй транш, значит, уже (???): В концлагере – пятнадцать... до 15.000, 15.000 вернее, не до пятнадцать, 15.000 марок, эти самые, лагеря обычные – 5000. И Вы думаете что? Они меня приравняли, хотя объясняли – всё в законе написано, что, значит, при условии ... Это, значит, закон, эти немцы, эти гады-немцы, они выдумали закон. Первый вот этот транш, первый – он был так, такая градация: концлагерь, вторая градация – тюрьмы и гетто,

третья градация – общие лагеря, и четвёртая – сельские. Вот четыре было градации. И это было правильно. Они делали п... по существу как начисления только от этих денег, что посту... что поступают, и они распределяли, да в зависимости от этого, это да. И когда они первый раз выплатили мне по той первому траншу и не выплатили за, ээ, тюрьму, я подал в суд. И вот суд присудил. Вот почитайте, там и издевательства, и, в... значит, пытки и так далее. Они не признают сейчас.

АД: Угу, признал.

КА: При... знаете?

АД: А второй, второй транш, Вы сколько получили и в каком году?

КА: Пять.

АД: Марок тоже?

КА: Да, 5.000 марок.

АД: В каком году это было?

КА: Это было, это уже были в этом самом, получали мы уже в пересчёте. А там закручено так – в пересчёте на евро, так? То уже получается 1.600 и 800. Считайте. Или 900 пусть даже. 1.800 и 900 – это, ээ, три тысячи...

АД: Не, две тысячи...

КА: 2.700 вот этого уже ...

АД: Евро.

КА: В евро, да.

АД: И ещё был третий транш?

КА: Ну, всё уже вместе, две...

АД: Не, а они на две части разбили?

КА: На две части разбили, да. Первую – 1.600, второй – вос... 900, вот я Вам говорю. Вот они на две (части ?). Ну, в общем ...

АД: То есть, Вы, Вы находите это а...

КА: Я писал куда только, понимаете?

АД: Угу...

КА: И вот эти, вот эти барбосы – я у них был, и всё. Они – это кэгэбисты и полковники и, так сказать, да, это глупости. Я х... хотел ... Ну, куда обратиться? Значит, обратиться вот именно в этот фонд немецкий непосредственно.

АД: Я понимаю, да, в Берлин.

КА: Ну, я считаю, что они глупость страшную допустили ...

АД: Угу...

КА: Что присл... это там и приспособили кэгэбистов и военных к нам.

АД: Угу, а что это значит?

КА: Они получают колоссальные деньги, а мы получаем х... фигу.

АД: Угу...

КА: Представляете?

АД: Кто получает кэг... основные деньги?

КА: Мы – х... фигу получаем, у... эти самые узники.

АД: А кто получает колоссальные деньги?

КА: Вот те, которые там находятся. Вот этот, я когда ни писал, писал, что специально писал, что прошу назначить. Вот тут у меня всё описано.

АД: Угу...

КА: Прошу назначить, чтобы я встретиться мог с Герасимовым.

АД: Угу, да, да, да.

КА: Хотя вот знает: Я был, вот этот, ээ, как я, председатель правления республиканского, ээ, этого самого, объединения „Лёс“, объединения узников „Лёс“.

АД: Вы были?

КА: Я был ...

АД: Угу...

КА: Председателем. А потом, когда жена заболела, я подал заявление и ушёл, понимаете? Так вот это ж самое говорила мне президент ...

АД: Угу...

КА: У нас, ээ, может, Вы не помните, а, может и знаете, ээ, как её, Ольга Александровна, Ольга Александровна ... Мм. Э! (???). Да, так

она мне говорит.

АД: Угу...

КА: Что если бы я был с... угнан с, с, с этого, ээ, из Белоруссии, из Белоруссии, она бы помогла. А так как я был угнан из Украины – она ничего не может сделать, представляете? И вот, вот видите, там написано всё. Они же, они мне заплатили там 300, по-моему, до, до ... этих марок, когда я вот это отдал. Они не, не, не, не ... И был юрист, вот который писал вот это. А я им писал, что: „Вы что, шутите, где граница между“, а вот, „где граница между уз... уз... этом, к... концлагерем и тюрьмой?“ Представляете? Я им тут целую кучу ...

АД: Это с... я понимаю ...

КА: И кому я не писал, всё, ответ один – Цембровский.

АД: Я так понимаю, у ... То есть, Вам не признали это пребывание в тюрьме, в тюрьме гестапо?

КА: Они должны были мне признать, ээ, в, это самое ... Да, в тюрьме, в тюрьме они признали, вот то, что заплатили.

АД: Угу...

КА: Но они не признали концлагерь, который был, который я был там две недели, вот.

АД: Ага...

КА: А это уже было бы, значит, 15.000.

АД: Угу...

КА: И я сколько не ...

АД: А, концлагерь, это тот, который в Германии находился, да?

КА: Да, да. Так и сколько я не писал, я говорю: „Пошлите его, пусть немцы проверят, был я или не был. У них какие-то сведения есть.“ Так вот, что ни пишу ... О, один-единственный Цембровский.

АД: Угу...

КА: Пишу уже: „Молю Бога.“ Это вот, видите? Цембровский.
[показывает документы]

АД: Угу...

КА: Вот, Цембровский. Теперь, оо, во! Уже мне одного я нашёл ...

АД: Угу...

КА: Что мы были там, в лагере, вот заявление написал, и вот это, вот нашёл, что так он один. А они теперь говорят, они говорят: „Приложите справку, что он был в том лагере.“

АД: Угу...

КА: „Приложите справку.“ Значит, да вот даже его есть, видишь, это самое, украинский, украинский фонд.

АД: Фонд, фонд (???)

КА: Да. Ничего! Ничего не пробить! Это полковники и генералы. Это полковники чёрные. И я говорил тогда немцам, вот они бо... я говорю: „Слушайте, ну, что вы делаете, почему вы не поставите у руля узников. Это бы же всё-таки они сами бы получали что-то. Вы бы им доплачивали не столько, сколько этим полковникам. Вы бы

пос... ээ, вы бы, ээ, наверное за двадцать процентов того, что полковникам платите, вы могли бы обойтись.“

АД: А кого Вы имеете в виду под полковниками?

КА: Ну, того же Герасимового.

АД: Угу...

КА: Полковник, того же, вот этого Цембровского, который тоже. Вот тот, кото... Богдан вот, оо! Даже не вызвали меня на заседание комиссии этой.

АД: Эм, а ...

КА: Хотя я просил – не вызвали туда! Отписались, и всё!

АД: Ээ, я хочу вот в завершение ск... спросить всё-таки пару вопросов. Вы после войны были в каких-то ... Аа, Вы говорили, Вы были председателем объединения „Лёс“, да?

КА: Да.

АД: Зам председателя или председателем?

КА: Я был председателем.

АД: Председателем.

КА: И я был долгое ещё время, этот самый, председатель ревизионной комиссии этого „Лёс“.

АД: Угу...

КА: А потом с комиссии перешёл на председателя „Лёс“, понимаете?

АД: А в каком году Вы с... Вы начали там работать, в этом „Лёс“?

КА: По-моему это было, ээ, с, с девяносто ч... третьего или 94-го года.

АД: А ...

КА: И по 98-ой, покуда вот жена (???)

АД: [одновременно] (???). А Вы празднуете, что для Вас значит 11-го апреля день международный узника?

КА: Ничего он для меня не значит.

АД: А почему?

КА: Потому что никто ничего не делает, и никто не, даже не говорит.

АД: В Белоруссии, или где Вы имеете в виду?

КА: Где? Здесь. Ну вот, значит, этот „Лёс“, допустим или тот же фонд.

АД: [одновременно] Фонд.

КА: Да. Ничего ж.

АД: Ничего не проводят?

КА: А вот Вы думаете, мне 80 лет 15-го – они ш... позвонили б? Ничего не будет. Вот это Вам отношение, который ... Да. А вот что пишет: „Узник узнику роз.“

АД: Угу...

КА: Вот пишет юрист, та, которая была вот, то что в суд вот была, она

присутствовала . И судья, понимаете, говорит: „Хорошо. Вы говорите, что из этого, с Арлоз... этого, ээ, Розен ...“

АД: Арлозен.

КА: „Арлозен должен ответить.“ Он говорит: „Сколько ответ идёт из Арлозена, когда получает?“ Она говорит: „Ну, года три-пять.“ – „А он“, говорит, „выживет пять лет?“ На меня. [смеётся] „Это вы уверены, что он будет жить пять лет?“ Да. В общем вот суд этот единственный, да. А теперь и суд не берётся по отношению вот этого, что меня – один, один. Они говорят: „Два человека надо.“ А двое нет, они уже все умерли. Нет у меня двух человек.

АД: Эм, я же в конце концов бы задал такой вопрос: А День Победы Вы празднуете сами как-то? Вы отмечаете его?

КА: Нет, ничего, нет. От... отмечаю вот, я Вам покажу ж. [ведёт в другую комнату] Ой. Ноги же. Вот так, (???). Вот, вот, и уже, как говорят, пошёл праздник, тогда, тогда это пришло.

АД: [одновременно] (???), угу, угу...

КА: То, вернее выш... в школу вызвали.

АД: Угу...

КА: И ... А вот это – вот узника награждение.

АД: Угу...

КА: А это ...

АД: С надписом.

КА: Каждый год ...

АД: Угу...

КА: Пишет „Батька“.

АД: А у меня ещё такой вопрос: А Вы поддерживаете с кем-нибудь контакт, может, из бывших узников, переписываете или, может, звоните в данный момент, или уже ...

КА: Нет, нет. Уже нет.

АД: Нет. А раньше?

КА: Раньше было. Уже нет. Вот видите, вызвали в школу, говорят, что: „Лукашенко дал команду выдать узникам ...“ [смеётся]

АД: Угу...

КА: Хорошо. Анекдот, анекдот. И вот, Вы видите, что она пишет, что могут они. А ведь остальные деньги, Вы знаете, сколько?

АД: Да, [одновременно] (???)

КА: Не меньше 250.000.000 марок остались.

АД: Ээм, Вы ...

В конце, Константин Войтович, я хотел бы Вам огромное спасибо сказать за это продолжительное интервью, потому что оно заняло очень много времени.

КА: Да, да.

АД: Огромное Вам спасибо, что Вы согласились рассказать историю Вашей жизни и Вашего пребывания в Германии.

Zwangsarbeit 1939-1945

TRANSKRIPT: Adamez, Konstantin Wojtowitsch (Archiv-ID ZA001)

КА: [говорит с удивлением] Это уже четыре часа?

АД: [смеётся] Да, оно очень долго длилось.

КА: [одновременно] (???)

АД: Спасибо Вам огромное.

КА: Угу, да, да. В общем вот такое дело. И они ... <>